

РУКАВИЦА СОВРЕМЕННОЮ



~ ФУТУРИСТЫ ~
"ЧЕМПИОНАТА
ПОЭТОВ"

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XLVII



Salamandra P.V.V.

РУКАВИЦА СОВРЕМЕННОЮ

**Футуристы
«Чемпионата поэтов»**

Salamandra P.V.V.

Рукавица современью: Футуристы «Чемпионата поэтов». Сост., подг. текстов и послесл. А. Шермана. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 165 с., илл. — (Библиотека авангарда, вып. XLVII).

Петербургскую группу «Чемпионат поэтов» и ее лидера Глеба Марева принято называть «загадочными». Что это было? Подражание? Пародия на футуризм? Попытка нащупать собственный путь? Существовал ли сам Глеб Марев — поэт, придумавший, по-видимому, понятие «серебряный век»?

В книге полностью воспроизведены небольшие альманахи «Чемпионат поэтов» и «Всёдурь», выпущенные группой в 1913 г., и изданный Г. Маревым в 1916 г. сборник «Первая арзология». Книга дополнена произведениями участника группы А. Пучкова и другими материалами.

ЧЭМПИОНАТ ПОЭТОВ



ЧЭМПІОНАТ ПОЭТОВ

СОДЕРЖАНИЕ.

Ив. Евдокимов	2
Чеслава Мальтанская	5
Глеб Марев	6
Анатолій Пучков	8
Бор. Скоробогатко	12
Ө. Соловьев	14
От Чэмпіоната	15
Объявление	16

Обложка работы худ.

Ив. МОЗАЛЕВСКАГО.

ИВАН ЕВДОКИМОВ.

ГОРИЛЛА.

Горилла бедная, умру от состраданий,
Твой кашель пагубный сжимает кровь.
Смотри, смотри сердечных содроганий
Полно лицо мое и взгляд и бровь.

Недуг туманных дней, весенних испарений,
О север жалобный, ты в грудь ея вонзил.
Соседка-девушка, мучительных видений
Равно нам яд глаза окостенил.

Зачем же прут железный цепкой лапой
Схватив, ты выгнулась, горилла, и пошла?
И девушка в пушистой белой шляпе,
Стыдливая, бледнея, отошла?

Проклятый зверь, твои зрачки и взвизг, и ноги,
И шерсть твоя, вдруг вставшая колом,
И сладострастные движения и вздоги
Нам тайным языком сказали об одном.

Оскалясь на меня зловещей, слизкой мордой
Горилла прыгала по клетке — и трясла
Железный прут мохнатой лапой твердой
И девушку ушедшую томительно звала.

Я вспомнил темный лес, тягучия лианы,
Рыканья львов, тревоги обезьян...
И стали южными родные медианы,
И небо надо мной чужих и дальних стран.

Пустая клетка — нет больной гориллы.
Здоровая, огромная, мохнатая она
Несет в объятьях тело девы милой
И тонкий стан обняв беснуется, жадна.

В лесу, в глуши лиан сорвет одежды,
Наклонится — и крик не заглушит —
Прижмет к себе, в шерсти утонут вежды
И, дико чмокая, от страсти завизжит.

Оцепенелая от страха, стиснув зубы,
Вдруг позабудет дева боль и нож когтей,
И от огня на миг растрескаются губы,
И под гориллою застонет белый змей.

Тепло и нежность в ней проснутся к зверю,
Обнимет, прикурнет сосцами в пух,
Как будто к яркому и солнечному Лелю,
Как жертва нежная от Лелевых засух.

Таяся сторожей, как заяц в первый снег
Таится за кустом, почуя пса в лощине,
Гориллу страстную, стнящую от нег,
Я стал дразнить перчаткой темносиней.

Бежала кровь из рук, ржавая на песке,
Висел оторванным большой мой ноготь.
Я нападал. Бесился зверь в тоске.
И вдруг завыл...
Я изловчась, вонзил ему иглу под коготь.

ЧЕСЛАВА МАЛЬТАНСКАЯ.

Под глазами проехали колесом
И томило под ложечкой
Дразнились голубыя ботинки
Медночетким веером на каблучках
Зеваки липли мухами
Моргали мимо и топали
Топались толпились чмокали
Нога корчилась мозолями
Просилась в лапти и валенки
Скользнуло и рушилось
Блестючкой на холеном мизинце
Безпомощном болтуне у жилета
Иг уог гоу ги
Мукеелись мозоли
Зеленые кочки запрыгали в зрачках
Взапуски сустились раздушные лизуны
Мяли карманы
Давали нюхать
Нюхались
Плевались на погоду
Голодные бранили псвара
Самаряничали над вкусным голым
Только жолтыя с парчой и оборками
Вместе витринились
А теперь бонжурились с полосатыми
Загнутыми
И хихикали...

ГЛЕБ МАРЕВ.

MUNDUS MOTUS.

Низкая плотина. Шаткая перила
Мне ствоздили руки. Был я и на мысе
Океанной выси. Око уловило
Плоскостные вихри. В беге скользком рыси
Есть прообраз силы мгновенное изжить.
Есть он и в порыве заново творить.

Раскую я стих отныне меренно упругий.
Заведутся хороводы сосен желто-стволых.
О, как немислимы звуки — взвои, муки.
Придорожных узниц — листвою полуголых!
Смотри, как по скату слово за словом в ряд
Падая, кружится, вспенится, как водопад!

Пружится плотина, хлюпая с тыла.
Мы стоим с тобою и молчим.
Вековая пустошь раскаянно взывала.
Грани отекает старей грим.
Краешек сердца приоткрыла ты цепкой рукой,
Изступленный кричу я исключительное «закрой!»

Внемлите все, кто завтра — камень!
В брызгах покойных взрыдает «amen».

Они пришли. Но было поздно. Луна ушла.
А звезды юрко нырнули в глубь. И в небо яро
Швыряла комья злая земля.
Дыханья плоти уплыли паром...
Поднялось все на новоздания парад.
И слушать страшно внизу бурлящий

ВОДОПАД.

И дребезжит звонок трамвая —
В степи безгривый жеребенок.
Копыта чокают панели обивая.
Чудовнице труба взывает громом-оглушаем
К вертлявым внукам: звукам и свисткам.

Означатся пределы краскам и цветам
Кореньям и плодам.
Как море — шум таится в русле улиц.
Примнится может визг собаки,
Ребячий гомон, щебет утром?
Распылены человечества злаки.

Как трупные зрачки глядятся окна в окна
Наискось озирают — дрогнув —
Уличный перекрест.

АНАТОЛИИ ПУЧКОВ.

І. ГРОЗА ОСЕНЬЮ.

Поздним вечером точь-в-точь
Ждали дождика и грома.
Под лампадами всю ночь
Запершись сидели дома.

Сторож грузно мерил грязь.
Гулко стучала трещетка.
Крестным знаком ободрясь,
Шестопсалм читали чотко.

У запретного стола,
Обнажая ряд жемчужин,
Собралась мал-мала
Детвора на скудный ужин.

А когда ударил гром
И на крышу дождик звонкий
Опрокинулся ведром —
Дрогнули у всех рученки.

С треском грянулось бревно
От беседки стародавней,
Сорванное все равно
В прошлую грозу со ставней.

Грянулось — и нищ, и гол
Задрожал крыжовник жесткий.
Шопотун прыгун щегол
Завертелся на нашостке.

В конуре угрюмый пес
Из угла метнулся в угол.
Ветром с крыши рвало тес
И шатало палки пугал.

И всю ночь то тут, то там
Падало, рвалось и выло. —
Будто гнались по пятам,
Будто лопались перила.

II. РАЗЛУКА.

Отошла потеряв, но с догадкою,
Что под осень вернется любовь.
Сердце стучало. Поезд украдкою
Засочился, как мутная кровь.

Все мольбы, уверенья и жалобы
Хохотали в шипеньи колес.
Без оглядки душа убежала бы
За колесами через откос.

III. ТЛЕН.

Взметнулась жизнь и оборвалась дрожью
Полузастывших, запавших век.
Душа приученная к бездорожью
Не доищется, где человек.

И от прадедовских могил на память
Холмик выдвинется недалек.

Сюда слетит подругу заныть
Бродяжничающий мотылек.

Два, три цветка взойдут несмело
И укроются меж лопухов.
Березка ствол, белее мела,
Плача спрячет в желтизну мехов.

Старушонка из богомолков,
О колючий лопух зацепив,
Засуеверничает, что недолог
Срок ей хаживать между крапив.

Холодный ветерок шуршит в осоке.
Как много сгубленных лет назад.
Как прежде памятники здесь высоки
Над могилами Шехерезад.

IV. УТРО.

Вы вставали всегда очень рано.
Я не мог отвернуться от стекла.
Все подсматривал, как из-под крана
По голым плечикам вода текла.

К телу мыльному миг удосужив,
Пробирался змейкой смысленный ключ
И, проскользнувши за складки кружев,
Целовался холоден и колюч.

Вы морщились и собрав в комочек
Рубашку прятали между колен,
А я, оплывший, за кончик мочек
Чужих — готов бросить уютный плен.

БОР. СКОРОБОГАТКО.

І. ДРОВОСЕКИ.

Над двориком в снегу — туманно, пар;
И пес, озябший за ночь, из конуры
Понурый оком смотрит на амбар,
Где, роясь в опилках, бродят куры.

Скользит пила по мерзлым бугоркам,
Брюзжит — размахом все сильней — ехидной,
Шуршит — и отдых млеющим рукам:
Пенек круглится свежестью завидной.

Как высоко метнулась с гаком сталь!
Как резво и легко вонзилась в сердце!
Протяжный скрип и всхлип... как будто жаль,
Что мелкия дрова сгорят за дверцей.

Теперь усталая артель сидит,
Жует хрустящий хлеб, нарезы сала.
У снежных ларей отдых так ленит,
И лет снежинок радует но мало.

Еще зудит спина и помнит первый труд.
Но скоро клин опять заерзает послушно.
За день они изрядно руки понатрут,
Чтоб вечером был тихий лад в избушке душевной.

Я часто вижу их: с пилою, топором,
А козлы за спиной — глядят пытливо
В заборную дыру, не сложены-ль горбом
Стволы берез — хозяину топливо.

Пусть иногда в избушке холодней...
Но в праздник мирно вьется дым из трубки,
Уютный смех семьи, и на спине,
Как на коне, кричит ребенок хрупкий.

II. НАДПИСАНКА.

Ораво-уродные «гиперборейцы»
Сморозили Парнас коровьими сосульками.
На солнце слезятся; огрейте
Музу: бронхит над пустыми люльками.
А от всяких бед «сверхсуровцы»
Растекаются, как стрижные овцы.

Ф. СОЛОВЬЕВ.

I

Дурак в клетку ехался лошадьё
Ужасно смешно
Смехучее ужасно
Что Вы чихаете
А-а-а
Ужасное не смехуче
Слушайте куда Вы
Чему Вы зажались
Уже не любите мозгов
Не беритесь совсем
Оставьте хоть слезы сочинителю
Вам не к роже
Ему принадлебятся
Грезы березы морозы
Плакатныя розы
Из мирскорня.

II.

Завертелелись телочком телки.
Забрызгались кровью на нож.
Человек рукоять от метелки,
Чем стоять, глазеть, застреножь.

Разметалось сыроче повисло.
Заляпалась лысина в муть.
В глазищах заклеймённые числа.
Копытцами не улизнуть.

ОТ ЧЕМПИОНАТА.

Брешь в голову читателя.

Чемпионат дружно извиняется за свою неизвестность. Кто же провидел в подслушивании ребячих визгов (по рецепту Бодуэна-де-Куртенэ) — неожиданное средство отращивать бороды терпеливым, неопытным. Никто. Попрекаемся. Прозевали осуществить говорунку «посади хромого на лошадь и он ее загонит». Хитро плачем. Наши слезы падкий урок и после того еще плюющим учиться у хромоногих акмеистов. Слезы точат камень, жалостивеют. Сами губились досуги. Жаль. Безконечно шили ранцы московским футуристам и выкармливали подыгрывателя Игорю Северянину (оказалось, он не только муслит стихи, но и дает концерты). В настоящее время распылительно популярим бокс. Тут защита одинакая надежда умерить пыл к тухлым овощам и традиционным калошам. За превосходство брошенной нами моды — ея качества. Впрочем это красноречивее доскажет предстоящая поэтическая потасунка на символической могиле скорбника Брюсова.

СЕВЕРНЫЕ ПЛЕЯДЫ

готовят к печати:

Ив. Евдокимов. Г о р о д с к и я с м е н ы.
Чеслава Мальтанская. П л е в к и н а з е р к а л е.
Глеб Марев. Е s o m e n a (М е х а н и к а).
Анатолий Пучков. Г о л у б ы е с у м б у р ы.
Бор. Скоробогатко. У р о д н ы е м и г и.

Ректориат доводит до сведения, что задержка в рассмотрении рукописей и извещении о движении уже рассмотренных (извещение нацело зависит от ректориата) вызвана исключительным к сроку наплывом матерьяла. Кроме того, ограниченный размер этого выпуска не позволил к сожалению поделиться о некоторых по интересу значительных книгах и сборниках, присланных авторами Чэмпionato.

СПБ. Садовая 53 кв. 8-с. Телеф. 485-04.

Типография В. Андерсона и Г. Лойцянского, Вознесенский пр., № 53.

ВСЁДУРЬ

Рукавица современью

ВСЁДУРЬ

РУКАВИЦА СОВРЕМЕННОЮ



— Всёдурь —

Недавний парад «Чемпионата Поэтов» завершил историю Поези предельным достижением. Пушкин — золото; символизм — серебро; современье — тускломедная Всёдурь, пугливая выявлением Духа Жизни (*perpetuum mobile*) века Железа. Человечество у мертвой точки: наивно опознанное самоцелью, оно не более, как ток Разума к совершеннейшим формам. Был Рай, — и Адам в преизвержность чувств обожал Бога. Всёдурь сограничит Аду, покореная Разумом. Бытие испаряясь к нему, приспособилось к перевоплощению его в оконченность — Механику. Открытие пороха не только опасный случай, но и выражение направляющей силы... Нечеловеческие завоевания Причиноностью человечности торжественно подчеркивают неизбежность механизации материи... Электрическая станция слепок с частного вида гармонии Движения: пропорциональность вещества, времени и пространства. Вселенная в сферах Энергетики, где суждено затонуть Всёдури.

Футуризм, наметив робкие пути к Истине, взрывно бухнул в пучину изживаемого, приняв видимость за сущность...

Акмеизм, в смысле новейшего рецепта к оздоровлению Мира («запах трав», «воркование голубей», «раскомаривание», «самоварчик», «мотня», «навоз»...), — извечно существует, как простодушные бараньяго стада. Разительный пример тому «Дровосеки» Б о р С к о р о б о г а т к о, созданное, когда акмеисты еще не мечтали о самих себе...

Факел «изломства» и прозрение «искуства» Железного Века по праву принадлежит «Чемпионату», предтече приемами поэтического бокса катастрофы Всёдури.

Слово-ли, гниющее в слюнявой жевательнице —
нужнице Разума, стяжает веник бессмертия? Язык в
Поези = О. Центр тяжести падет на всю материю...
И не станет ни Пушкина, ни Брюсова, ни г-на Северянина...

Не безумие-ли, при мелькании жизненной агонии
до одноцвета спектра, усматривать в скопидомстве
жрецов культуры («труды», «собрание произведений»,
«автобиографии»!!!) — небезумие, не кирпич аксиоме
Движения?

Гений Поези претворится в журчании материи,
всёсути и откровении Конечного Века; отсюда выражение
ея необязательно.

Использованная книга и колбасная кожа вымечтаются.

Вот праздничное меню Всёдури:

- 1) Свежая поэзы с филиповскими пирожками.
- 2) «Актеон» из солонины.
- 3) «Дохлая Луна».
- 4) «Nature morte» по кухне Всёков.

В антрактах

«Пира во время чумы» пьют вино:
«Чемпионат Поэтов»

Приветим же первыми появление книг в витринах колбасных, молочных, кондитерских, пока «Чемпионат Поэтов» не вострубит *perpetuum mobile* и не произнесет свое **Железное Слово**.

Глеб Марев

ноябрь, 913

ЗВУАИ

Ковко звончели
Запи медяи лели
Крону мряи нрючи
Алели али пнели
Зовы звали
Нали несши я
Весши зонти я ки
Прели злюты
Дымеи твори

Плоно на о мои
Кали кары ты
Ступен не забы вы
Хладных сне нес и
Наи и во ои
Уу ио ии
Оу еу о... о... и...

Вас Наумов

ЖУРЧ ДВИЖЕЛИ

По жельзой трухавили трутно
Шипеелся людвый заклёп
Зачиркивал резвело прут на
Отвислистом харкале нёб

Пронзисто вскрикокли, рыжело
Откаркался плюй свист крут верт
Дзиньдзинью стеклистой пропело
В слепяно сталь медный конверт

Верт рт дыханилась нептица
Раскрошная у фонаря в
Голубали свинцовью коптится
Лететая дружилъ ныряв

Кольцевится пудрой плешина
Ползеи сиренят громки
Огнивея на пол аршина
Крутом веерные комки.

Анат Пучков

30 к.

Продаются:

- Невск.** Вольф, Гост. Двор. Карбасников, Гост. Двор.
Мелье, Невский, 20. Михайлов, Вознесенский, 22.
Ясный, Невский, 66.
- Москва.** Вольф, Кузнец. мост. Вольф, Моховая.
- Кіев.** Оглоблин, Крещатик, 33.
- Варшава.** Гебетнер и Вольф, Краковское предм. 15.
- Харьков.** Дредер, Московская, 4. Рейтер, Екатеринослав-
ская, 9.
- Одесса.** „Одесскія Новости“, Дерибасовская, 20.

Чэмпіонат Поэтов, год 4887421 30 к.
Всёдурь. Рукавица современью 30 к.
Железный Век (готовится).
Чэмпіонат Поэтов, год 4887421, 2-ое изд. . . (печатается).
Чеслава Мальтанская. Плевки на зеркале . (готовится).
Глеб Марев. Еsomena (Механика) (готовится).
Вас Наумов. Лиры (готовится).
Анатолий Пучков. Голубые сумбуры (готовится).
Бор Скоробогатко. Уродные миги (готовится).

Ректоріат просит присылать нововышедшія поэтическія изданія.

СПБ. Садовая, 53, кв. 8—с. Тел. 485-04.

Глеб Марев

ПЕРВАЯ АРЗОЛОГИЯ

Послеслов «Чемпионата Поэтов»

Пастбище — стадопоэтов.

Толпа : стыд!

Лиросмертие : драмород!

Война : механика —

Арзолог

Драматист

ГЛЕБ МАРЕВ



Глеб Марев.

ПЕРВАЯ АРЗОЛОГІЯ.

Послеслов „Чемпіоната Поэтов“.



ПЕТРОГРАД.

—
1916.

Траур-Драматиза

Отец:	... У Марева три печали
Лирика:	кончился в январе
Страно:	следом за ним!
Ширитца:	желтеющие колосья —
	кошмарная темнота...

Венок:	... Поэт дарит погребенью
Толпа:	жаленкия иммортели
Наверно:	о, трехъярусный гроб!
Приститцаль:	стихи, злые пели...
	Розовая Слеза?

Поэты:	... Голос Арзолога
Новое:	народ томитца
Марев:	стреми штыки!
Драматиза:	ура, Драматиза!
	ура, Поэты!

Белая хôра

Девушка в белом, храни мой трон.
И безбрежнее бездны небесной будет
Сон мой, —
Мирно-высок, как звон похорон!
Люди, внимайте! Молитесь, люди!

Или прошлой вспышкой детских забав
Чуткой коснися души безобидно,
Прав я, —
Безответной мечтою меня поняв,
Робко исчезни звездою невидной,
Людям невидной, — молитесь, люди!

Я изнемог: не постичь конца,
Кому велено жить — вечно лить узоры.
И так жаль, что покой мертвеца
Скоро —
Новаго Мира нарушат взоры...
Прошлые люди, поймите, молитесь!

Вчера и Сегодня

Вчера —
Заслышал
Девушка Юга
Условно
Сегодня —
Поникли
Все
Знаю:

был бурно весел,
всплеск от весел:
в чолне
рулить ко мне...
тревожно скучен.
ночью тучи...
изменила Война,
в плену Она

Южная Звѣнна

Колокола:	лазурь на солнце
Воздух:	музыка тепла.
Тропинка:	Ботанический парк...
Безколейныя	мысли:
Немыслимыя	колеи...
Юга девушки	не любят.
Оне не девушки.	
А — кто.	

На Юге зелени сколько:
Купайся, валяйся, цепляйся.
Не грусти только...
Какая у них культура?
Радость — в монастырях
Говори про литературы —
Вспомнят Лысую Гору...
Не говори...

Девушки южанки!
Красавицы: старо-молодыя!
Днепроглазки: солнцекровки!
Тело: налились колосья! —

Когда на даче стало скучно,
Плюты, днепровка — в желтизне,
У Вас притушенные взоры —
И взоры тянутца к весне...

Вы говорили: «это — Рай:
Вода, сосновка, луг и горы...
Придут Австрийцы или Немцы —
Мы удерем на берег тот!»

Я — удеру... но в Лиробойню
Искусства битвы — воин я:
Мои враги — толпы кумиры,
Моя развязка — Петромир!

Кинодрама

Великому Артисту
Земли Русской.

Мой отец —
Прошлаго
Мечетца
Обращает

полковник в отставке,
великий Актер.
в улицах отрепкой,
собак, зевак.

За столом
О, какой
Жрет
Побольше,
Теперь
В июльской
Раньше
Гаркнет —
Днем —
Но
Бредил
Завтра:

идиотски смеетца:
вкусный борщ!
посвински. «Клёцок мне
полнее горсть!»
он добрый, вислоухий
истоме спит...
какой он был — ух.
кругом дрожит.
терпим, приличен,
достаточно много врал,
лаврами в Галиции
я — южный генерал!

Поэт ходил за отцем неотлучно. Он понял,
что начался смертный недуг.
Отец тащил из дому вещи маклакам.
Однажды сын слышал мольбу о 13 копейках
на десяток кислых огурцев...
Народное бесплатное представление!..
Родные думали: снова завалял дурака,
как во время актерства, когда проиграл
каменные дома. Догнивающие мозги оправды-
ваются неполюдски... И он был неуязвим
в семейной Войне: летели табуреты,
ножи, котлеты... С каждой минутой опасней
и хуже.

Особенно:	невозможен ночью.
Вскакивает,	рычит, смердит.
Шарит	на кухне, в буфете...
Скандално	требует еды.
В доме	больная легенда.
В сорочках	сидят по креслам.
Излишняя	жалость вредна —
Понятно,	понятно бес в нем.
Южное	утро хрустально.
Солнце —	ослепительный фронт.
Пришли	солдатики из госпиталя:
Ваше благородие, требуют комендант!..	

С юности ты мучился, считая себя не-
годяем и подлецом. Упорно боролся с
Природой, механизировавшись в обществе.
Но смерть — идея Механики. Ты жертва
80-ых годов. Что могло дать форму твоему
Гению? И ты мстил алкоголем и злоб-
ным творчеством. Я не виню.

Зимой	красив катафалк.
Смерть	изящна в негу...
Колонна	юнкеров гарцовала,
Рада —	занятий нет.

Покойник	поморгал глазом:
Вспомнил	любимую роль...
Забыли...	Обдали грязью.
Корят	за разор и пьянство.

Никогда не забуду: кулисы,
Безсмертный восторг к концу...
И когда на эстраде праздники,
Рвусь сквозь толпу к отцу.

Военный госпиталь.
Киев. 1915. 7-е января.

Число-Драматиза

27.4.15

Разбрасывалась на последнем
поззо-концерте Северянина (†).
Городская Дума.

Пастух —
Толпа:
Лиросмертие:
Война,
Арзология, —

стадопоэтов.
стыд!
драмород!
Механика.
Марев!

Искра-Арзолога.

Scatto dalla ciminiera,
colonna alta dell'opera potente,
la prima scintilla.
Luciano Folgore «Il Canto dei Motori»

Простимся	ребята-футуристы.
Отпустим	старое,
Сперва	великое
Вами	противное
Помирился	граждане!

Я -----	неизменнический враг.
Я -----	самый верхний футурист.
Я -----	просто чутко человек.
Я -----	новорусский Арзолог.

В июне	создано строенье,
В июле	гаубица стресла...

Граждане, ждите: все страны
Притупят о Пётро колчаны!

Игорева-Арзолога

— Лирика:	умерла
Ты:	последний!
— Это:	мы посмотрим?
— Я:	первый драматист!
— ? :	?

Диспут. Городская Дума

... Что же дальше будут делая,
Игорь, Игорь,
Что же дальше будут делая
С Вами дщери сей страны?
Они сядут на нас, белые,
Товарищ и друг,
Они сядут на нас, белые,
И помчат на зов войны.
В. Хлебников. «Дохлая Луна».

Гений —	912-го
915-го	полуэстрады дребедень.
Литературный —	рак.
Поэза —	антракт:
Кончитца	880-ым.
Озолоченный —	футурист,
Прогодал —	зов Арзологии.
Самосгуб: —	Драматист
В храме Искусства	Христос.

Мудрая Драматиза

Яв. I. На «Стрелке» круглые будни...

Острова:	искусство садовода.
Природа:	умирает.
Вдольбережье:	непонять Невы.
Навзморье:	картины Сомова.

Яв. II. Друзья хандрят...

Арзолог:	поэты, в город!
Трамвай:	зашил пространство.
В окне:	карнизы, крыши, трубы.
Плывут:	предночна дачница.

Яв. III. Поэт клянет Землю...

Все питаеш — дерево,
Все сжимаешь — минерал,
Все ласкаеш — океан...
Где отбросы — новые?
Те же птицы
Те же звери
Тот же старый человек!

Яв. IV. Женское лицо.

Милый, хочеш, принесу железа.
Сядем, будем глядеть на него!
В нем нам откроет Синтетта
Мудрое, Новое, Нужное.

Явление последнее.

Века!	Века!	Века!
Больше	—	ничего.

Заумова-Драматиза

...Какая Вы сдобная?
?

Вас можно ущипнуть.

Что?

Что скажете мамаше?

Давайте начинать!....

Сценарий «Pas de deux»

Яв. I. И снова болтовня друзей,
ломающихся вяло...

Томление:	ломтики сластей.
Трубки:	соломинки-жала
Торчат:	недопитки-бокалы.
Поет:	примадонна балагана.

Яв. II. Гурьбой нарядною
в толпу, в толпу!..

Букмэкер:	бешенные скакуны!
Мандёр:	подвошенная ставка!
Скрябин	Masgue —
Звуки:	брызги,
Смех:	журчит...
Зал	до бала

Яв. III. Милая, познакомимся!..

Лицо мужское	наклонилось,
Зрачки мерцали	проходимки.
В часы антракта	площадь спит.
Один... Одна...	вдвоем законней
И напрягатца	и забыватца.

Яв. IV. Гнусей, оставьте!...

Покойнее...	придете к тете...
Дорога гладкая...	гордыня Быта,
Вы упустили	Божество!..
Рождайтесь	мысли —
Слова	приходят,
Синтеза	строит,
Я предвещаю	торжество!

Embateria-Драматиза.

Яв. I. Signum datur, ut omnes
puberes interficiuntur...

Война:	отрада для бойцов.
Нарезав:	тел упитца кровью.
Насильно:	взять запретный плод.
Варьба:	похлебки взгляд на солнце.
Подумье:	завтра буду жив...
Надежда:	римская!
Утеха:	русская!
Она	у всяковсех врагов.
Она	и пахаря, и Арзолога.
Извека	послана Надежда...

Яв. II. Война везде: в воде,
на небе и земле...

Война	всегда	
Воюют:	люди,	
Воюют:	вещи,	
Воюю:	Я,	
Воюет:	Мир.	
Струитца:	смерть,	
Бурлитца	жизнь, —	
Вино	+	кровь
=	:	со мной!

Яв. III. Выслушайте Механиста!

Вас устрашила —		Война в «войне».
Однако знали:		квадрат в квадрате,
Поэт в поэте:		в жизни смерть...
Война в «войне»:		взрывай снаряды!
Питайся болью:		ликуй в дыму!
Учись войне и		побеждай!
Стойко, весело	+	должно!
Война, Любовь:		Искусство, Жизнь
=	:	со мной!

Яв. Послеслова.

Конечна радость:	начально дело.
И пусть Война,	пускай иное,
Иное Психике—	родное,
Война в Механике:	Искусство.

Призрак-Драматисс.

La trincera di sacchi e troppo alta
Stentiamo a sfindare il nemico,
difficile a l'essere colti
Fuori, alle zone della morte,
Pei viottoli, rotale dell'eccidio!

Paolo Buzzi «Versi Liberi»

Просила:
Верное:
Думала:

Снилась военная полька..
давить бока.
что-то было,
вся страна.

Внезап
Время:
Шуритца:

Больно! Больно!..
мечи — в ножны:
разсолнец утра...
Она.

Написанка-Драматисс.

Я: купаетца в словесном море.
Мыслю: брызги бытия.

Вы: поэты, на карте осло
Ставите: сажени + фарватер.

Плач: рыдай, восхищенье!
Марев: лепит «мысль-вещество».

Последрам

Люди!		Память Глеба усопшая...
Шептатца,		идите тропинкой
Кто	—	топтатца,
		знал-ли его таким?
Проклятие:		вечно — «так»...
Разум:		не делать свято.
Возможно:		тогда случитца,
Нужналь	—	Поэзия вам?

Занавесь!

Чемпионат Поэтов—Верховенство Русского Искусства.— Глеб Марев—(истребитель футура) первый Арзолог.

Чемпионат — эволюционирует Искусство: поступательное обследование Небытия, Искоренение Быта (в прошлом, настоящем и будущем). Алчность нахлысков (журналисты, газетчики, поэты) задерживает механический рост обожаской ими Родины. Нахлынувшая Провинция принимает формулы нашей редакции через искусствовцев и отставки (чи имена треплет печатать, и с 1912 года И. Северини...).

Чемпионат исключен мировой катастрофой уподобится ворам французской Символики (Бальмонт, Влох, Брюсов) или безграмотным переводчикам итальянского Футуризма (Кульбин, „будетляне“). Союзница-Война выравнивает государство. Мы — первая выстрел. Петроград — центр культуры Обновленной Земли.

Чемпионат в своих достижениях искусственным и безобразен. Мы — знание и жизнь. Мы уподоблены: одобрять, порицать, направлять политическую волю России. Уклоняющиеся от нас терпят могильное фиаско („русский футур“, „дирика“, „старш-слепец Ремизов с компанией третьеклассных поэтов“ и сам непогрешимый Маринетти). Мы действуем: слово-боксом, анусионен, присутствием, лекциями, редко книгами. Особенно любим: улицы, трамвай, вокзалы, рестораны. Из трех — в одном мы. Поэтический смысл — миллионы агентов...

Чемпионат — загадка для мыслящих, неожиданный страх для лигмеев — снимет свою маску, когда можно будет обойтись без услуг прессы. Мы удовлетворены, что наше Творчество находитца в жизненном обороте, массы перерабатывают материал. Из него Общественное Искусство. Мы строим Общеобязательное и Полезное во всех отношениях: Арзологию + Сент. Чемпионат по-прежнему никого в состав не принимает, ни в ком не нуждается...

Формулы: Русские футуристы-наши барабанщики — сожжены фразой Глеба Марева: „язык в Поэзии — о“ (см. „Всесуды“ и А. Закревского „Рыцари Везувия“). Им остается попытаться Марсеев счастья. Почему-то зарылись в норы... Что побудило паралимпийское Искусство (Сологуб и подобные) обывать свой залежалый товар растерявшимися беженцами. Один из подобных газетно прослезился: „нет—пусть, не молчат поэты“. (?) Почему не „барды“, „драпосоды“ — и такие были. Потом — футуристы; теперь — арзологи... Последние — ашафот красноречия В. Спранского (полювал sua fata игитотех; падение книги). Вот школа прапорошников от пера существовала и называлась „Луко „норы“ ... Довольно!

Схема: 1-ый этаж Искусства: Музыка, Живопись, Поэзия и т. д. — женское начало: Дирика.

Трамплин — титан-разрушитель Direttore Motore del futurismo-Marineti (слияние искусства с жизнью—Война).

2-ой этаж Искусства: Арзология — Сент, мужское начало: Драморд. Намечают пути: Глеб Марев (драматист), В. Наумов, А. Серебряный (сингетт).

И. Зданевич (всечество), Ле-Дантю (движение за экраном), И. Гончарова и М. Паронов (shéllér), Ассоциация „Blast“ в Лондоне (реальность настоящего).

Маревская Арзология.

Новый материал — мысли. Мысль фотографируется, взвешивается. Мысль — вещество. Из него — Окружающая Реальность. Из него: слово, бумага, экран, лаубица — предметы. Путь архитектурно-строительный (что, между прочим, дает поэзии новое стихосложение). Битие мыслящего материала — столновение, борьба мгновений: отсюда элементарная форма Арзологии — Драматизм.

Такое положение обуславливает самостоятельность произведений Искусства, Жизни и пр. Все насающееся „мысли—вещества“ есть однородная атмосфера, обстановка, называемая в 1-ом этаже Философией, Психологией. В Арзологии она уничтожается. Наступает Механическое взаимоотношение центра к обстановке.

Механическое мироощущение (у Маринетти — машинно-электрическое, имеющее значение до 1-го нового открытия) принаправляется ко всякой деятельности

Чемпионат приветствует Механику в Глеба Марева!

Pax cepiav.

**Чемпионат Поэтов — Верховенство
Русского Искусства. — Глеб Марев —
(истребитель футура) первый Арзолог.**

Чемпионат — эволюционирует Искусство: поступательное обследование Небывшаго. Искоренение Быта (в прошлом, настоящем и будущем). Алчность маклаков (журналисты, газетчики, поэты) задерживает механический рост обожаемой нами Родины. Нахлынувшая Провинция принимает формулы нашей редакции через искусствовцев в отставке (чьи имена треплет печать, и с 912 года И. Северянин...).

Чемпионат исключен мировой катастрофой уподобитца ворам французской Символики (Бальмонт, Блок, Брюсов) или безграмотным переводчикам итальянского Футуризма (Кульбин, «будетляне».) Союзница-Война выравнила государства. Мы — первый выстрел. Петроград — центр культуры Обновленной Земли.

Чемпионат в своих достижениях неустраним и непопаден. Мы — знание и жизнь. Мы уполномочены: одобрять, порицать, направлять поэтическую волну России. Уклоняющиеся от нас терпят могильное фиаско [«русский футур», «лирика», «старец-слепец Ремизов с компанией третьеклассных поэтов» и сам непогрешимый Маринетти]. Мы действуем: словобоксом, внушением, присутствием, лекциями, редко книгами. Особенно любим: улицы, трамваи, вокзалы, рестораны. Из трех — в одном мы.. Поэтический сыск + миллионы агентов...

Чемпионат — загадка для мыслящих, неожиданный страх для пигмеев — снимет свою маску, когда можно будет обойтись без услуг прессы. Мы удовлетворены, что наше Творчество находитца в жизненном обороте, массы перерабатывают матерьял. Из него Особливое Искусство. Мы строим Общеобязательное и Полезное во всех отношениях: **Арзоло-**

гию + Синт. Чемпионат по прежнему никого в состав не принимает, на в ком не нуждается...

Формулы: Русские футуристы — наши барабанщики — сожжены фразой Глеба Марева: «язык в Поэзии = О» [см. «Вседурь» и А. Закржевского «Рыцари Безумия»]. Им остаетца попытать Марсова счастья. Почему-то зарылись в норы... Что побудило паралитиков Искусства [Сологуб и подобные] сбывать свой залежалый товар растерявшимся беженцам. Один из подобных газетно прослезился: «нет — пусть, не молчат «поэты». (?) Почему не «барды», «рапсоды» — и такие были. Потом — футуристы; теперь — арзологи... Последние — эшафот красноречия В. Сперанского (*habeant sua fata oratores*: падение книги). Вот школа прапорщиков от пера существовала и называлась «Луко ... море» Довольно!

Схема: I-ый этаж Искусства: Музыка, Живопись, Поэзия и т. д. — женское начало: Лирика.

Т р а м п л и н — титан-разрушитель *Direttore Motore del futurismo-Marinetti* (слияние искусства с жизнью — Война).

II-ой этаж Искусства: **Арзология** + **Синт.** Мужское начало: Драмород. Намечают пути: Глеб Марев (драматист). В. Наумов, А. Серебряный (синтетт).

И. Зданевич (всечество). Ле-Дантю (движение за экраном). Н. Гончарова и М. Ларионов (*métier*). Ассоциация «*Blast'a*» в Лондоне (реальность настоящего).

Маревская Арзология.

Новый матерьял — мысли. Мысль фотографируетца, взвешиваетца — Мысль — вещество. Из него —

Окружающая Реальность. Из него: слово, бумага, экран, гаубица — предметы. Путь архитектурно-строительный (что, между прочим, дает поэзии новое стихосложение). Бытие мыслимого матерьяла — столкновение, борьба мгновений; отсюда элементарная форма Арзологии — **Драматиза**.

Такое положение обуславливает самостоятельность произведений Искусства, Жизни и пр. Все касающееся «мысли-вещества» есть однородная атмосфера, обстановка, называемая в I-ом этаже Философией, Психологией. В Арзологии она уничтожаетца. Наступает Механическое взаимоотношение центра к обстановке.

Механическое мироощущение (у Маринетти — машинно-электрическое, имеющее значение до 1-го нового открытия) принаравливаетца ко всякой деятельности.

Чемпионат приветствует Механику и Глеба Марева!

Ректориат.

ПРЕЙС-КУРАНТ КНИГ

„Чемпіоната

Поэтов“.

Глеб Марев. Первая Арзологія.
1916. ц. 1 р.

Глеб Марев. Всѣдурь. 1913. (распр.).

Анат. Пучков. Последняя четверть луны. 1915. ц. 1 р. (распродаетца).

„Чемпіонат Поэтов“. Год 4887421.
(распр.).

„Чемпіонат Поэтов“. Изд. 2-е. (распр.).

Готовятца:

В. Наумов „Orbus“ Рока. (синтѣзы).

А. Серебряный. Триллион Синтетт.

Бор. Скоробогатко. Русская Стихика.

Обложки И. Мозалевскаго.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Анатолий Пучков

ЮНЫЕ АККОРДЫ

Анатолий Пучковъ.

ЮНЫЕ АККОРДЫ.

Въ часть „тоски и грусти нѣжной“
Надъ страничкою моею
Вы склонитесь.... и небрежный
Вамъ пѣвецъ предстанетъ съ ней.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

УТЕС.

Где волны шумят одиноко
И плещут о берег морской,
И шум этот дикий далеко
Над бурной несется водой;

Где ветер морской завывает
Средь бурного трепета волн
И с тихой скорбью внимает
Их грустный и жалобный стон —

Там, высясь над водной равниной,
Утес одинокий стоит
И дышит таинственной силой
Его неразгаданный вид.....

И утро чуть только начнется
И сгонит над морем туман,
Вода вокруг утеса уж рвется
И брызги летят по камням.....

И долго в волнении сердитом,
Вздымая волну за волной,
В порыве стремительном, диком
Бьет море о камень пустой.

А вместе с вечерним туманом
И холодной вечернею мглой
Над морем бурливым неожиданно
Свой жезл простирает покой.

И ветер тогда умолкает,
И волны бушуют слабей: —
— Незримая сила смиряет
Таинственной властью своей;

Лишь гордо над бездной смиренной
Утес одинокий царит
И, в думу свою погруженный,
В пучину морскую глядит.....

А утро едва лишь вернется
И сгонит над морем туман,
Вода вокруг утеса метется,
Лишь брызги летят по камням.....

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

К ДРУГУ.

Помню, детскою порою
Я невольно полюбил
Одиночество с тоскою
И... тогда уже грустил,

И, любя уединенье,
Грезу первых моих дней,
Я, как школьник ото мщенья,
Вдруг скрывался от людей.

Все затем, чтоб на свободе
Тихим вечером мечтать
И стихающей природе
С тайным шопотом внимать;

Чтоб при ласковом сияньи
Бледной, трепетной луны
И недвижных звезд мерцаньи
— В царстве грез и тишины —

Мне над бедною Тамарой
Вместе с Демоном витать
И младую дочь Гудала
Днем и ночью искушать;

Иль с Татьяною младою
Об Онегине вздыхать
И пред утренней зарею
Над романом засыпать

Вот, мой друг, что волновало
В ранней юности меня,
Что влекло и.... привлекало
И так нравилось тогда.....

.

Мир людской я ненавидел
И бежал союза с ним;
В нем к себе лишь злобу видел,
Лишь презрение находил.....

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

ГРУСТНО.....

Грустно, грустно вдруг расстаться
С сердцу милым уголком,
Где привык я вдохновляться
В одиночестве моем;

Где, любил для охлаждения,
Охлаждался для любви.
Где без страсти, наслажденья
Мирно дни мои текли;

Где, в тиши уединенья
И людских вдали затей,
Я в минуты вдохновенья
Ранней юности моей

Бредил чудным хороводом
Мне неведомых богинь;
Им внимал... и пред народом
Свой восход благословил.....

.

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

Княжне Н. Оболенской.

Когда преследуемый скукой
В Тебе забвенья лишь искал,
Томился каждою разлукой
И с каждой встречей оживал;

Когда, свиданья ожидая,
Тебя я мысленно ласкал
И, образ Твой вспоминая,
Про мир сует позабывал;

Когда заветныя мечтанья
Моих безпечных юных дней
И жизни лучшей упованья
С обычной пылкостью своей

Принес Тебе, как дар случайный,
Но дар взлелеянный Тобой
И, молчаливый, с грустью тайной
Склонился гордо пред судьбой;

Когда Твой суд несправедливый
С немой покорностью внимал
И жребий свой и рок строптивый
Как день печали проклинал;

Тогда не ждал я снисхожденья,
Не ждал награды я Твоей.
Не ждет как мирнаго спасенья
Презренный всеми меж людей.

Ноябрь 1911 г.

С.-Петербург.

Н. К—С.

Песня.

Грузинку младую
Я раз повстречал
И встречу любую
За эту б отдал.....

Прошло уж не мало
Как встретил ее
И, может, не стало
Грузинки давно.

Но все, как безумный,
Хожу я с тех пор
И тени безшумной
Встречаю укор.

Едва засыпаю
В предутреннем сне,
А образ, не знаю
Как, снится уж мне.

И утром открою
Чуть только глаза,
А тень предо мною
И ждет уж меня.

И так постоянно,
Всегда и везде
Грузинка неожиданно
Является мне.

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

К Л. А. Ш—Ъ.

«Вероятно и на Кавказе
Вам будет так же скучно,
как и в Спб-е».
Может-быть, ей-ей не знаю,
Буду-ль там еще скучать.....

Я одинок; с моей тоскою
Нет места в мире для меня:
Один с истерзанной душою
Бродить по свету буду я.

Людей неверных состраданье
Судьбе несчастливой моей
Меня не ждет... и лишь роптанье
Повсюду слышу от людей.

Слеза участия, сожаленья
Из глаз людских не упадет:
Мой прах в могилу без сомненья
Толпа с восторгом низведет!!

Людьми непонятый, забытый
Случайный, скучный гость земли.
Я враг людям с их злобой скрытой
И чужд им так же, как они.....

Обычной скукою томимый
И злой отверженный судьбой,
Ношусь, как бурею гонимый
Челнок над бездною морской.

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

НА КЛАДБИЩЕ.....

На кладбище темной
Вечерней норой
Бродил я, смущенный,
Небрежной стопой.

В аллею пустую
Свернувши тропой,
Я деву младую
Узрел пред собой;

Над свежей могилой,
Склонясь у креста,
С улыбкой тоскливой
Стояла она.

И взор ея тихий
Уныло блуждал
И скорби великой
Печать выражал

Но кто же пред девой
В могиле зарыт
И смертью смелой
От жизни сокрыт?

Кто скорбь порождает
В душе молодой
И взор затемняет
Нежданной слезой?

Отец-ли любимый
Сокрыт под землей
И дочери милой
Нарушил покой?

Иль в этой могиле
Под сенью ветвей
Прах матери хилой
Таится пред ней?

Родные-ль зарыты
Здесь брат иль сестра
И жизнью забыты
Уж их имена?

Жених ли, невестой
Оставив ее,
В гробнице сей тесной
Почиет давно?

Нет, — в тени могильной
Под хладной землей
Дитя спит там мирно
В тиши гробовой.....

Дитя, чуть родившись
Для жизни одной,
Уж с этой простившись
Живет для другой.

В долину забвенья
Все кануло с ним,
И нет возвращенья
Мечтаньям святым.....

Одной лишь презренной,
Попранной любви
Любовник неверный
Оставил следы

Ноябрь 1911.

С.-Петербург.

К Е. Н. Н.

Простите юныя желанья
И страсть безумную мою:
Я все клянусь без состраданья!
Любовь, невинныя признанья —
Все, все Вам в жертву отдаю.

Ни лишних слов, ни оправданья,
Ни Вас теперь я не зову.....
Довольно! прочь! пускай страданья
Один, без Вас переживу;

Пускай с разбитою душою,
На миг обманутый мечтой,
Найду в забвении с другою
Любовь и счастье, и покой.....

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К Е. К. В.

Друг, Ваше тайное желанье
Я вмиг, тотчас предугадал,
Едва лишь страстное лобзанье
Прекрасных уст я испытал.....

Лобзаньем этим опьяненный,
Во власти Вашей весь был я
И, страстью сильной полоненный,
Я был влюблен, как никогда.

Но сладкий миг очарованья
Нашел конец желанный свой;
Разстались мы..... и на прощанье
Я взял безумное лобзанье
И отдал Вам зато покой.....

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К Э. М. Зеленту.

Тебе, наперсник юных лет,
Свидетель юных увлечений,
Былых забав и походов,
Отшельник дальний шлет привет.

Я помню: тайная вражда
В былые годы отделяла
И в книгу мщенья записала
Давно уж наши имена.

Но злобы тайной торжество
Прошло мгновенно пред очами,
И что ж осталось меж нами —
Коварство, дружба, вновь ли зло?!?

Ужель так долго не прошли
Враждебной мести ликования
И тяжких дней воспоминанья
Ужель исчезнуть не могли?...

Ужель теперь, как и всегда,
В моем далеком заточеньи
Найдет коварное отмщенье
И камнем ляжет на меня?...

Но нет, как прежде, не склонюсь
Главой безсильной и покорной
И жертвой мщенья добровольной
Я в сети зла не попадусь.....

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К О. Д. А—и.

Простите мне мое молчанье;
Питомец лени моей,
Я в ней ищу лишь оправданья
И к Вам на суд предстану с ней.

А между тем, пока прощенье
Из уст прекрасных долетит
И мысль неожиданным вдохновеньем
И рифмой стройной осенит,

Спешу небрежное посланье
Рукой усталой набросать
И — может быть сверх ожидания —
В края знакомые послать.

В края, где юности безпечной
Дни невозвратно протекли,
И с ними жизни быстротечной
Исчезли юныя мечты.....

Теперь на севере далеком,
У дальних Невских берегов
Живу в томленьи одиноком
Среди друзей или врагов.

И здесь по прежнему не знаю
Найду ли вновь душе покой
И хоть тоски я избегаю,
Но не разстаться мне с тоской.....

А ранней юности мечтанья?
И грезы лучшие мои,

И дней безпечных упования —
Куда, нуда девались вы?

Забыты вы в стране любимой,
В стране, где молча средь людей
Бродил всем чуждый и гонимый,
С душой измученной своей.

Декабрь 1911. С.-Петербург.

ТУЧКИ.

Над послушным океаном
И играя, и шутя
Мчатся с ветром и туманом
Тучки в дальние края.

Мчатся в воздухе толпою
Тучки радостной своей
И не знают за собою
Ни печалей, ни скорбей.

Что им, что им до страданий
Чуждых, занятых людей,
Их стремлений и желаний,
Их загадочных страстей.

Мчатся, мчатся, улета
В незнакомые края,
Постепенно исчезая
И теряясь без следа...

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К Нине О.....

Нина, милая, ужели
В час вечерней тишины
Песни нежные свирели
Не внимаешь больше Ты.

Разве более украдкой
С грустью тайной на челе
Не спешишь в истоме сладкой
Помечтать наедине.

Разве юныя желанья
Смутной прелестью страстей,
Жаром страстного лобзанья
Не томят души Твоей.

Разве в сладостном забвеньи,
Взор потупя огневой,
Вечерком в уединеньи
Ты не шепчешься с листвою;

Иль в задумчивости нежной,
С сердцем бьющимся в груди,
Ручкой милой и небрежной
Ты в объятия свои

Не манишь героя грезы,
Друга тайные мечты —
И не льешь украдкой слезы
На прекрасные черты;

И не таешь от лобзаний
С жаром пламенным в крови,
Жаром страстных обаяний
Неизведанной любви.....

Не горишь.....

.
.
.

Долго краскою покрыты,
Тайну милую храня,
Перси нежные, ланиты,
Чуть открытыя уста.....

Декабрь 1911. С.-Петербург.

К ДРУГУ.

Н. А. Соколову.

Помнишь, милый, как в былые
Годы юности моей
Проводили дни златые
Средь безделья и друзей;

Помнишь летнею порою,
В час неведомой тоски, —
Только сумрак над землею
Воцарится средь тиши,

Только грустное сиянье
Бледной, трепетной луны
Возвестит нам час свиданья.
Час любовных мечты, —

Мы безпечною толпою
С шумом радостным своим,
С пеньем, музыкой, игрою
В сад запущенный спешим.....

.

А теперь? воспоминанья
Лишь остались одни
Прежде милые мечтанья
Волновали..., но прошли.....

Нет ни грез, ни вдохновений,
Нет и юнаго огня,
Нет и сладостных забвений —
Все забыто для меня!

Только с музою небрежной
И едва послушной мне
Час досуга безмятежный
Я делю наедине.

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

СОН.

Я видел сон; челнок, носимый
Порывом бурных воды,
С какой-то силою незримой
Едва спасался от волны.

На нем пловец неутомимый
Едва рулем уж управлял,
Но тщетно все.... челнок гонимый
Вот-вот уж гибели искал.

В волнах скрываясь безпрестанно,
Он той же бурною волной
На верх поднят был, но неожиданно
Опять исчез во тьме ночной.

И только моря клочкотанье
И дикий плеск суровых волн,
Их неустанное роптанье
Одно лишь слышалось кругом.

Но вот, как вестник избавленья,
Вдали блеснул вдруг огонек.
К нему, к нему! здесь без сомненья
Пловец несчастливый найдет

Давно желанное спасенье,
Покой и отдых хоть на миг.
И что-ж? пловец без промедленья,
Остаток сил собрав своих,

Неверный челн свой направляет
К огню блеснувшему во мгле.
Уж вот он близко.... подплывает....
Пловец, пловец не верь судьбе!!

Ужасный миг.... волной мятежной
Подхвачен челн издалека,
И мчит его к скале прибрежной
Разсвирепевшая волна!

Еще мгновение — треск знакомый
И стук прибрежных скалы;
И стихло все.... огонь безмолвный
Блестит попрежнему вдали.....

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

НАБРОСОК.

Когда полнощною порою
Внезапно слышу я сквозь сон
Невнятный шопот за стеною.....
Лобзаний звук.... и легкий стон.....

.
.
.
.

В смущеньи трепетном пылаю
И кровь кипит, как никогда....
Но шопот смолк... и вновь вздыхаю,
И вновь один я, как всегда

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К Е. Н. Грузинской.

Зачем, зачем Ты искушаешь
Меня неверной красотой;
Зачем, признайся, нарушаешь
Души болезненный покой?

Я, друг, устал в борьбе неравной,
В борьбе с любовью и Тобой,
И страсти пылкой, своенравной
Любовный жар остыл с борьбой.

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

ТАИНСТВЕННЫЙ ЗАМОК.

Песнь I-ая.

Замок пышный на равнине
У подножья темных гор,
Словно сторож сей долины,
Сторожит ея простор.....

Над пустынею зеленой
Меж раскинутых ветвей
Дремлет он, уединенный,
И не ведает людей.

Да и кто долины горной
Помнит тайный уголок,
Где орел один задорный
Средь белеющих снегов

На вершине горной правит
И мгновенье замок зрит.....
Крылья мощные расправит,
Вновь от замка улетит.....

Разве изредка пустынный
Иль отшельник молодой
Взор нечаянный подымет
И увидит пред собой

Замок тайный и чудесный;
Но его волшебный вид
Мигом путника страшит,
И со страхом неизвестным

Вдруг отшельник молодой
Взор от замка отвращает

И пугливо продолжает
Путь скорей далекий свой.

Иногда же запоздалый
Витязь с сечи роковой,
Весь измученный, усталый
Едет позднею порой.

Копь его наперсник славы,
Сечи гордый исполин
Знает буйныя забавы
Вместе с витязем своим.

Но однако, что за диво!?!
Чуть в долину ступит он.
Задрожит..... и торопливо
Понесется с седоком.

И напрасно витязь хочет
Властью бег сдержать своей;
Тщетно все.... лишь пар клокочет
Вкруг коня еще сильнеей.

Конь стремительней несется
И вперед все боле рвется,
Пыль вздымая за собой,
Миг... и скрылся под горой!

Словом тот, кого в долину
Путь неверный занесет
И к чертогу приведет
Отдаленной блеск вершины —

Тот невольно задрожит;
И от замка, вне сомненья,
Путник наш без промедленья
Вмиг убраться поспешит.

Я там не был и не знаю,
Что пугает так людей
И хоть в песне осуждаю
И волшебство и чертей,

Но далек от мысли дикой
Испытать их на себе;
И с покорностью великой
Благодарность шлю судьбе,

Что не видел чар враждебных,
Как и замков тех волшебных
И что в лености моей,
Средь безделья и друзей,

Проживу остаток дней
И, как прежде, не узнаю,
На себе не испытаю
Я волшебников когтей.

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К НЕМИРОВИЧУ-ЩИТТУ.

Друг любезный, на свободе,
Меж приветливых друзей
Внемлю северной Природе
Вот уж много, много дней

Много дней, как сын дубравы,
Я в безопасности своей
Ранней юности забавы
Пел под сению ветвей.

Пел — и чудною толпою
Девы страсти и огня,
Хороводом над землею
Проносились близ меня.

Дымкой светлою, небрежной
Чуть прикрытыя черты
Взор и страстный и мятежный
Привлекали с высоты.

В их собрании воздушном,
Полном неги неземной.
Я в волнении послушном
Наслаждался красотой.

И среди уединенья,
Средь таинственной тиши
Им поведал вдохновенье,
Грусть тоскующей души.....

И святыя сочетанья
Слов и шопота любви,
Вдохновенное признание
Люди слышать не могли.

Звуков тайное значенье
Растворилось в тишине
Умер звук... еще мгновенье —
Все застыли в вышине.....

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Я помню смутныя волненья,
Едва, едва протекших дней,
Тоску, любовь и упоенья
Души нетронутой моей.

Еще былия увлеченья
Не позабыты вовсе мной,
Еще томят..., но без сомненья
Пройдут своею чередой.

Пройдут, как юныя желанья,
Как бред любовницы молодой,
И грустный след воспоминанья
Заговорит о них порой.

И вот, покрытый сединами,
Когда-нибудь приду туда,
Где жил я детскими мечтами,
Скучал и плакал иногда.....

.

Вот сад с знакомыми кустами;
Как прежде, все запущен он,
И веет царственными снами
Со всех, по прежнему, сторон.

А вот заветная аллея
С нависшим рядом тополей:
Здесь, мысли юныя лелея,
Я часто хаживал по ней.

Вот здесь скамья в тени прохладной
Под древним тополем стоит

И, мысли чуждая отрадной,
О счастья прошлом говорит.

Полуразрушенная, ныне
Не тянет больше помечтать
Мечта, мечта! твоей святыне
Мне в жертву нечего отдать....

А помню, отроком, часами,
Послушный ветренной мечте,
Вот здесь, под этими ветвями
Грустил в безмолвной тишине.

Грустил один... кругом ни звука...
Повсюду лишь немая мгла...
И кто мог знать, какая мука
Мне сердце девственное жгла,

В тоске безумных ожиданий
Как ненавидел, как любил,
Каких сомнений и страданий
Ревнивый ум не пережил....

Но вот счастливое мгновенье...
Чуть внятный шорох за кустом.....
Души минутное волненье,
Ея тоски последний стон

Привет без слов красноречивый...
Смущенье детское лица....
Несмелый взгляд... ответ стыдливый...
И тихий лепет без конца...

.

Но все прошло и позабыто...

Декабрь 1911.

С.-Петербург.

К П. Д. ИГНАТОВИЧУ.

1 Января.

Новый год, мой друг, встречаю
Средь веселья и друзей
И в весельи не желаю
Возвращения прежних дней.

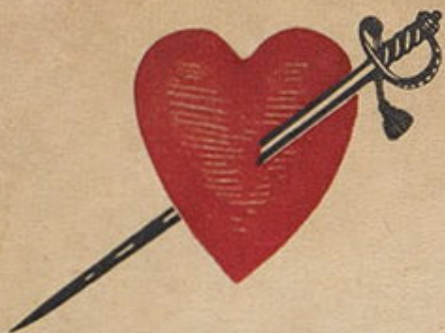
Пусть умчатся, как умчались
Ранней юности года —
Ну их к лешему! — разстались,
Чтоб не встретиться когда.

А пока что, за бокалом
Иль за чаркою вина
Не забыв о друге старом,
Пью, мой милый, за Тебя!!

Декабрь 1911. С.-Петербург.

Анатолий Пучков

**ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ
ЛУНЫ**



АНАТОЛІЙ

ПУЧКОВЪ

ТЕНИ СУМЕРЕК НОЧНЫХ.

Сюита 6, 2 тетрадь «Русских Символистов».

Звуков тайное значенье
Растворилось в тишине,
Умер звук... еще мгновенье...
Все застыли в вышине...

А. Пучков. «Юные аккорды», 1911. Пгр.

ПУТИ.

Я ушел в очертания дали.
Гром погрáмывает громче все.
Нагишом из-под ног ускользали
Пути, не успев окончиться.

Потемневшие клочья повисли
Над угрозым безмолвьем земли.
Отовсюду надвинулись мысли,
Будто облачные корабли.

Жутко, ах... меж молневых прелюдий,
Словно в сердце вонзили иглу.
Брызнули, как в миллионном чуде,
Дождички в просиявшую мглу.

А над брошенной сзади лужайкой,
Перекошенное от лучей,
Солнце прыгало попрошайкой,
Целовало ручей.

КОНТРАПУНКТ.

Вот бездонность отразила
Два изломленных луча.
Два оторванных светила
Здесь столкнулись сгоряча.

Расплатились странной встречей.
Как отцы враждебных гнезд,
В темь неузнанных увечий
Опрокинув брызги звезд.

Совершилось ночью летом.
В мире брошенных был сон
Над распластанным скелетом
В келье пели в унисон.

Отзвонило. Все — как было.
Передернулось лицо.
Сухопарая кобыла
В черном билась о крыльцо.

В полночь в келье, дымом белой,
Свет возник и умер свет.
Это — призрак бледнотелый
Взял у черного ответ.

Эхо сонно покатило
Легкозвонный стук меча.
В это время два светила
Повстречались сгоряча.

1912.

СОЛНЦЕ РЕЗВИТСЯ.

Весна дарит уйму улиток
И подмигиваний под шумок.
На острове точено-гибок
Привораживает теремок.

Пролитый из солнца румянец
Орумянивает и свежит
И в лицах изнеженных пьяниц
Неразбужженной жилкой дрожит.

Сквозь окна, над берегом речки,
Солнце врывается здесь и там...
И, полоской скользнув по печке,
Скачет зайчиками по плитам.

По стенке замедлив бегом,
Перепрыгивает на абажур
И, поиграв на тигре пегом,
Спешит ласкать чулок ажур.

Кувырнувшись на тонком тюле...
Поласкает, загладив след,
В потемках брошенный на стуле
Клетчатый дэми-жилет.

И в оброненной на диване
Записочке прочтет себя.
Мое солнце, я весь в нирване...
Мое солнце, приду любя.

1912.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

Весна... и весенняя сказка
Недосказанная настает.
Замыленный пеной савраска
Тянет плитами пиленный лед.

Побрякивают погремушки
И позванивают удила.
Над лужицами вьются мушки,
Мать весенняя их родила.

И солнце улыбкой пригожей
Завораживает, посулив.
Савраска под мокрой рогожей
Чуть колыхнется, нетороплив.

Парнишко вихряво лохматый
Нет, да выхватит тонкий кнут
И щелк... вдоль улицы казематы
У савраски прыгая мелькнут.

Недаром кнутишко Ванюшин
Непривычные не теребят,
И знает он в стойлах конюшен
Виноватыя спины ребят.

Весна и весенняя сказка
Недосказана, но вот-вот...
Проедет лишь, в сказке, савраска
Мимо золотом полных подвод.

1912.

НИ СТАРЬ, НИ НОВЬ.

Романс.

Брожу по берегу, один, полувлюбленный
В морскую гладь и в шопот нежных слов,
И влажный взор, в истому ночи углубленный,
— Ни стар, ни нов.

Горячий воздух ум, неслышно утомленный,
Смущает мерной сказкой летних снов,
Но этот воздух, сонной страстью накаленный,
— Ни стар, ни нов.

Да. Так брожу от жизни прежней удаленный,
Во власти новоскованных оков
И думаю, — что, если я, полувлюбленный,
— Ни стар, ни нов.

А. Пучков. «Первые созерцания» 1912.

ИЗБРАННИК.

В обманности счастья ищем,
В обманности не разберешь.
Что каждый под пышным рубищем
Запрятал колючки, мак еж.

А. Пучков. «Первые созерцания» 1912.

Не особенно красив,
Но безумно интересен...
Сердце взял, не попросив,
Под соблазн истомных песен.

Увлекал и в сладкий ад.
Заманил и к темным кручам.
В сонность розовых палат
Уводил ручьем текучим.

Обещал любить, беречь...
Только бы хватило мочи...
Целовал округлость плеч
В полумгле угарной ночи.

Уверял, что пока жив,
Будет искренен и верен.
Зато прежде... был и лжив,
И безмерно лицемерен.

Уверял... но через день
Был подслушан робким ухом:
Милая, вуаль надень
И спеши к твоим старухам...

1913.

ОТПЕТОЕ СЕРДЦЕ.

Шуршит шуршавей шелка,
В сиреновом платке...
Под мышками кошелка
Скрипит на холодке...

У глаз лучистый веер
Заправлен в синекруг...
Творец, зная, наспех склеил
Изломы гнутых рук...

Нагнулась. Вот попросит...
К чужой руке припав,
Изморыш хрупкий Фрося,
Задерживает рукав.

Пройдут... Мольбы не тронут
Недобрых матерей.
Ласкает сладкий омут
За хрусталём дверей...

Швейцар кивнет вослед им,
Прикарманив целкач.
Ветер, сердцам отпетым
Снежный позор проплачь...

1913.

ШАГ НАЗАД.

Вы хвастались, что не любили...
Хоть и молоды, и чутки.
Вам нравились... автомобили
И разноцветные платки.

Много нежностей, много ласок
Растрчено по вечерам.
Вы моргали в сумбур колясок
И в квадраты красивых рам.

Загорались огни тумана
У перекрестных мотыльков.
Вас потухшую прятал рано
Задрапированный альков.

В кругу иконок и подушек
Вы каялись и прослезясь,
Вспоминали... какой из душек
Вас первый бросил в эту грязь.

1913.

УМЫВАНИЕ.

Вы вставали всегда очень рано.
Я не мог отвернуться от стекла...
Все посматривал, как из-под крана
По голым плечикам вода текла.

К телу мыльному миг удосужив,
Пробирался змейкой смышленный ключ
И, проскользнувши за складки кружев,
Целовался холоден и колюч.

Вы морщились. Подобрал в букетик
Сорочку, комкали между колен...
Я избалованный, конечно скептик,
Не захочу бросить уютный плен...

1913.

ГРОЗА ОСЕНЬЮ.

(Сельский эскиз).

Этим вечером точь-в-точь
Ждали дождика и грома.
Под лампадами всю ночь
Запершись сидели дома.

Сторож грузно мерил грязь.
Гулко стучала трещетка.
Крестным знаком ободрясь,
Шестопсалм читали четко.

У запретного стола,
Обнажая ряд жемчужин,
Собралась мал-мала,
Детвора на скромный ужин.

А когда ударил гром
И на крышу дождик звонкий
Опрокинулся ведром, —
Дрогнули у всех рученки.

С треском грянулось бревно
От беседки стародавней,
Сорванное всеравно
В прошлую грозу со ставней.

Грянулось... и нищ, и гол
Задрожал крыжовник жесткий.
Шопотун-прыгун щегол
Завертелся на нашостке.

В конуре угрюмый пес
Из угла метнулся в угол,
Да выламывало тес
И шатало палки пугал.

И всю ночь то тут, то там
Падало, рвалось и выло —
Будто гнались по пятам,
Будто лопались перила..

1913.

МОГИЛА.

Взметнулась жизнь и оборвалась дрожью
Полузастывших, запавших век.
Душа приученная к бездорожью
Не доищется, где человек.

И от прадедовских могил на память
Холмик выдвинется недалек...
Сюда слетит подругу занять
Бродяжничающий мотылек.

Два, три цветка взойдут несмело
И... укроются меж лопухов.
Березка ствол, белее мела,
Плача, спрячет в желтизну мехов.

Старушонка из богомолков
О колючий лопух зацепив,
Засуеверничает, что недолог
Срок ей хаживать между крапив.

Холодный ветерок шуршит в осоке,
Как много стубленных лет назад.
Как прежде памятники здесь высоки
Над могилами Шехерезад.

1913.

РАЗЛУКА.

Отошла потеряв, но с догадкою...
Что по осень вернется любовь.
Сердце стучало. Поезд украдкою
Засочился, как мутная кровь.

Все мольбы, уверенья и жалобы
Хохотали в шипеньи колес.
Без оглядки душа убежала бы
За колесами через откос...

1913.

ПОКА ОБМАКНУ ПЕРО...

Осень... не правда-ли, как старо!
Но отчего, себя мы спросим,
У нас, поэтов, дрожит перо...
Сейчас... без пятнадцати восемь.

Август, Июль, Июнь, Май и... стоп!
Как близко до белой сирени.
Так из года в год поэзный галоп
Шаблонно рифмует колени.

Август астровый, страстный Июль,
Май жасминовый и пышный Июнь...
Искусство, не на тебя плюю-ль!
Но — хочешь? и ты в меня плюнь.

Осень... на улице так серо.
Роняются слоги и рифмы
 Так осень не покоров, мы —
 Мы первое скинем перо...

1912.

ОБЛОМКИ ГРЕЗ.

...Словно ждал. А в саду полусонная тишь
Распахнула широким призором
Миллионы бездонных очей.
И под странно сотканным узором
Из застывших теней и лучей
Я прозрел зачинанье ночей.
И злорадством горя,
Я бежал
От обломков разрушенных грезами грез
И от жал
Янтаря...

А. Пучков. «Первые созерцания», 1912.

В БАЛКАНСКУЮ ВОЙНУ.

Мохнатая елка запуталась в вате.
Стояла опасная для елок пора...
От красных фонариков чуть розоватей
Переливались дождички из серебра.

Очень маленькие люди
Кольцевили вальсы в зале.
Осколки старинных прелюдий
Растаяли в ветках азалий.
Прогрезились пышная весна
В садах доспевающих вишен.
В снегу подвенечные сосны...
Ах, жаль только, что не слышен
Наш ласковый, добрый крёстный...

В далеком и белом, белом лазарете
На славянско-турецком фронте...
Сестры-смуглянки берегите раненых...
Пройдите меж коек, наверно встретите
И ласково рукою тронете
Добровольца русаго из белоцаревых...

1912.

ЖЕЛТОЕ ОКНО.

Мне было лет десять, где-то война.
В рассказах манджурския сопки.
В тот год песнь рекрутов жутко вольна,
Сердца материнския робки.

И что-то еще, пронеслась гроза,
Предвещанная нам седыми.
За гулом ружейным не шла слеза,
Много слез бы померкло в дыме.

Заманчиво дьявольский гаолян
Ощерился прусским умением.
Мечту разоружив, пал Ляоян —
Узор к драгоценным камням.

Подрезанным резвое сникло крыло,
И желтая рама забита.
Руси так впервые не повезло,
Открылась аккордом сюита...

1912.

ВМЕСТЕ.

Безбурно ровная и кроткая,
Далекая, как лента рельс
Стальных, ты кажешься эфироткою,
Бегущей бережно на Уэльс.

С фиалками по зыбкой озими
Полей не жалко мне вослед
Тебе бежать шажками козьими,
Озолотив на солнце плед.

За холмиком, где нас поссорили
Вросшие в горизонт пути,
Долго, мы до седин проспорили...
Вернуться нам или врозь пойти.

1913.

В РОЩЕ.

Игривой ленточкой знакомая дорожка
Загадочно уходит в тени тополей.
Немного бодрости, мой друг, еще немножко...
И выбежим на солнце, к яркости полей.

Головка ласково наклонится и спрячет
Полненькия губки, задышет горячей.
Закружится по полю белокурый мячик,
За бабочкой следом порхнет через ручей.

Распустится цветком, минутно розовея.
Кипуче вспенит неодолимый порыв.
Захочется пропастей, а лесная фея
Манит... фиалками путь укрыв.

Так хорошо отдышаться в прохладе рощи
И в волосы любимой заплетать венок
Из ландышей и мелких цветов попроще,
Что шепчутся невидимо у милых ног.

Журчит ручей. Кукует далеко кукушка.
Играет ветерок с последним из лучей.
На цыпочках... ш... ш... целую кончик ушка...
И покорясь шепчу, что я еще ничей.

Вон видишь, ленточкой знакомая дорожка
Сейчас, смотри, утонет в сумрак тополей...
Немножко бодрости, мой друг, еще немножко...
И выбежим на солнце, к яркости полей.

ВЕСНА И ЛЕТО.

Я мог бы быть твоим,
А ты моей, потом прочту,
Но безнадежно затаим
В огне остылую мечту.

А. Пучков. «Первые созерцания», 1912.

Вот и радостно, как в семнадцать весен.
Давно хотелось быть молодым.
Сквозь весенний ураган и дым
Не разобрать и призрака зимних сосен.

Поцелуй меня, как глазок-фиалка.
Обними шуршаньем ветерка.
Мне грустно, так безумно жалко
Покидать и думать, что ты здесь ярка.

Нет, я тебя не люблю оттого, что
Мне противно любить по весне.
Почта бабочек, летом почта
Тебя очарованно влюбит во сне.

Ну и довольно... не сказать бы чушь нам.
Я наткал хризантем из любвей.
Ты вся юная, будь розовой.
Я-ж буду, как лето, томным и душным.

УГОЛОК ГОНЧАРОВА.

В снегу, вся в снегу беседка.
На изотлевшем холодном камне
Много, много нежных имен.
Генночка, ты дорога мне,
Дороже всего, чем я в жизни хмелён...
Но открыться-ль Анне Абрамне,
Что мы видимся редко.

Киндяковка у Симбирска.

ГВОЗДИКА.

Виноград чуть вьется дикий,
Как локоны твоих волос.
Гвоздики летней, букет гвоздики
Разочарованный, тебе принес.

Зачем не ландыш невинно белый
И не фиалки, аромат весны...
Знаю я... мои пробелы
Вплетенные в любовь тесны.

Пройдет весна, я все лето
Гвоздику душную люблю.
Сухих фиалок рука поэта
Вам осенью раздарит по стеблю.

1913.

МУЗЫКА НАД ВИСЛОЙ.

Музыка, ах, отчего ты тосклива
По вечерам в гарнизонном саду.
Плещется Висла, в мотивах прилива
И отлива, предчувствуя беду.

Набегают волны под звуки вальса.
Часовой хмурится на брызги пен.
О Висла, Висла, наконец ты сжался,
Не рань исчервленных ядрами стен.

Взойду на вышку крепостного вала
Посмотреть на минные катера.
Музыка, музыка, ты тосковала
Сегодня особеннее, чем вчера.

Крепость Новогеоргиевск, 1913.

БЕЗ ФИНАЛА.

Еще никого на аллее.
И музыка не начинала.
Когда же ты станешь смелее?
Давно финиш, но нет финала...

Наверно я тебя разгневаю,
Сравнив со спелюю черешнею.
В платье коричневом быть Евою
Легче, чем богиней безгрешною...

Не смехи — теперь руки схватывая,
Как бы в месть за любовь неистовую.
Не горит твоя бурность матовая,
И сердцем тебя перелистываю.

Цехопинск, курорт. 1913.

НА МУЗЫКЕ В ПЕТЕРГОФЕ.

В столетия погружены аллеи.
Вечер набросил флер синевы.
Экипажи и цветные жокеи
Мелькают под бахромой листвы.

К журчанью фонтанов ведут ступени,
Нежен шопот миллионов струй..
В воздухе пряность духов и сирени...
О, пропасть сказочная чаруй!

Головки Греза безразличьем пьяны,
Улыбки тают, как в зеркала.
Весна обманчива., поют фонтаны...
Любовь?.. не будет и не была.

Окунул в волшебье оркестр придворных,
Успокоив безвоьем сердца.
Зацвели огни в глазах проворных,
В глазах флиртующих без конца...

1913.

В КРЕПОСТНОМ САДУ.

Вальс полутрустный «Мечты поэта»
Зазвенел бархатисто у трубачей.
Синеглазой смолянке два букета
Преподнес денщик и не сказался чей...

Бредут армейцы, скользят уланы.
Торопится влюбчивый во всех кадет.
Стрекочут в небе аэропланы
И купол вечерний в огни разодет.

Ракеты брызжут, играя в зори.
Умолкает под пушку хор трубачей.
Мерцают сабли в влюбленном взоре,
Шпоры громче... и поцелуй горячей.

Крепость Новогеоргиевск, 1913.

НА ПАРАДЕ.

Ряды отсеклись по команде.
Марш! ударил под первый шаг.
За деревом близко к веранде,
Где свита, вертится лошак.

Драгунский... картавит поручик.
Эхом длится аккорд из шпор.
Что прекраснее глаз шипучих,
Разстреливающих в упор?!..

1913.

ОТ СЕРЕБРЯНАГО СЕРДЦА.

В старой гостиной по блеклым обоям
Древняя лица кивали из золота.
Подойдите, мы ничего не скроем...
Что веялось мрамором увь! расколото...

А. Пучков. «Первые созерцания», 1912.

СЕРЕБРЯНАЯ РЕВНОСТЬ.

Отсеребрились робости сердца,
Изсяк орояленный гимн.
Приоткрылась и скрипнула дверца —
Ты в сердце вошел дорогим.

Не ласкай только, слышишь, не надо.
Я люблю за твою нелюбовь.
Пусть серебряная серенада
Надо мной надорвется вновь.

Пусть вечером бархатистым шелком
Волос не коснешься меня.
Пусть уйдешь, как пришел к нам
Из царства свирелей, звеня.

Но если... жива, всегда ревную.
Глаза твои будут ничьи.
Любовь тебе никогда иную
Не просеребрят ручьи.

1914.

ПОВЕСТЬ.

Запуталась шаль о перила.
Две косы разметались в бреду.
Это ты, ведь ты говорила,
Что не страшно, куда я веду.

Две луны в тот вечер глядели.
Из-за туч и из темной воды.
Ну вспомни... в конце той недели
Ты дарила букет резеды.

Однажды в осеннюю слякоть
Выскочило, как тебя зовут...
Напутал... ты стала плакать,
Обещала выброситься в пруд.

И пруд с тех пор каждую осень
Насмешливо зеркалил дном,
Как вечером в томную просинь
Водил тебя грезовый гном.

Елагин остров, 1914.

БЕЗ ВЕСЕЛ.

Кн. Н. Оболенской.

Откинулась на бархат кресла,
Невольная чуть замерла...
Вся прошлая любовь воскресла,
Всю нынешнюю скрыла мгла.

Две музыки безструнной арфы
Мимо сердца туннель прожгли.
Помню... вьются цветные шарфы,
Румянятся в цветной пыли.

Сколько слез у заветной яви,
Платок посейчас берегу...
Ландыши в янтарной оправе
Зацвели на том берегу.

Забыть ли тот вечер безволя,
В бреду после нежный испуг...
Ах... помню, как шубка соболья
На утро не слушалась рук.

Подойти б да поправить кудри
Без поцелуев и без слов...
Но ты удерживаешь: мудрый,
Пусть плывется, оставь весло.

1914.

НОЧЬЮ.

Коснулась губками стаканых
Краев и влаги отпила...
Блеснув безволием стекла,
Утопла в голубых исканьях.

Глаза закрапленные в синь
И — вдруг — огонь застывших щечек...
Ударов сердца верный счетчик,
Под нежность дряблых клавесин.

Сумбур отыгранных мелодий
Всю ночь звенел и не затих,
Пока на утро сонный стих
Не разметался в непогоде.

1914.

ПОЗДНИЙ ПРИХОД.

Отверни ключ-винт электричества
Над кушеткою грёзно плюшевой.
Дэмимонд говорит, черства
На любовников — не подслушивай.

Отдай бутоньерку с агравкою,
Пока не успею опомниться.
Пока на ушко тихонько тьявкаю,
Что и ветер ты, и бездомница.

А запрокинешься тигрицею...
Но... глазки, глаза улыбаются!
И хочется залюбить сторицею
Безмерно маленького паяца.

1914.

НА КУРОРТЕ ЛЮБОВЬ.

Вся сколок цыганского пения,
Остриями мелодий изранена...
Ты сгорала от нетерпения
Затопать туфельками на Скрябина.

Иду кавалером и слушаю,
Как вспыхивает любви мозаика,
Как назвала меня Павлушею
И тут же Ленским с душой прозаика.

Чье-то письмо ревниво комкаю.
Оркестр кренит, дирижера мучая.
К сердцу жданною незнакомкою
Шелестит любовь, змея гремучая...

1913.

ОТВЕТ.

Отвечно на розовом бархате
Сорвана быстро фиалка...
Но помни, тебе и не жаль хотя,
Мне же фиалку так жалко.

Не сменишь глаза под ресницами.
Глазёнки — смешное упорство...
А снятся они или снится мне
Гнев тебя, милой и чорствой.


Мы не встретимся ни на улице
И ни там, где слепят огни.
Все умрет, что не позабудется...
Только круг этот разогни.

1914.

СИНТЕТТА: САКСОНСКИЙ САД +

Встречу осень в объятьях панны.
Приходи целоваться к пруду.
Пусть поцелуи обманны...
Осень... мне все равно, жду!

Мицкевич с Распятъем в руке,
В локонах розовый бантик...
Как тут не станешь романтик
В угоду капризной строке!

Дремлют музы, а мы шуршим,
Золотом аллеи вздохов
+ романтически плохо
Ребячествуящим большим со 

Варшава, 1913.

Иг. Северянину.

ИСКРЫ УГАСАЯ.

ЭКСПРОМТЫ.

ПО ВАРШАВЕ.

Кокетка-город, тебя ревную.
Твою дразнящую красоту.
Боюсь за тебя, дочь неродную,
И, лаская, я строг на посту.

Ты помнишь войны и помнишь бури,
Знаю хуже тебе суждено.
Но не разбейся в неравном туре,
Не проиграй судьбу в домино...

Отдаться врагу... что тяжелее
Для недавшей никому любви.
По Иерусалимской аллее
Пойду побродить, мечта плыви.

О, аллея Иерусалима,
Как мечтается в твоей тени.
Ты, как святая, сама хранима,
Легенды грустные сохрани.

В столице гордой сердцам влюбленным
Сколько несчастных приют была...
Тоскует вечер по зеленым кленам,
Покровом бархатным сошла мгла.

Блондинка в ситце, конечно полька,
Порхает поглаживая тьму.
Вся скромная, как изящна только...
Поклон властителю твоему.

12 июля 1913.

ЭКСПРОМТ ПОЛЬШЕ.

На сдачу Варшавы.

Братья поляки, какая слова
Добавить нам к общему горю.
Гостеприимная наша Нева
Не станет вам Вислой, не спорю.

Давно-ль в разсвете кровавой зари
Друг другу мы руки подали.
О, дружба кровавая озари
В века уходящая дали.

Лучшие цветы на геройский венок
О Польша, тебе принесли мы,
Но ты пленённая лежишь у ног...
Раны твои неисчислимы...

Много жертв тобой обретено.
Много мечт о тебя разбито.
Твою судьбу плетет веретено
О, некогда Речь Посполита!

Но не забудь, миллионы славян
Ждут тебя под скипетр свободы..
И русский стяг небывало багрян
Не даром, пусть знают Народы!

24 Июля 1915.

СИБИРСКИМ СТРЕЛКАМ.

По улицам, на встречу под Варшавой
Лавой двигались сибиряки.
Вот ручка женская к руке шершавой
Примкнула розу, пан береги...

Падали цветы с балконов,
Прощальное несло «них жие»...
В глазах от слез крути большие,
От тающих батальонов.

К полночи в дело! последний, как первый,
О смерти не знаете вы.
Море голов шевелится, и нервы
Напряженнее тетивы.

Западный Фронт, 1914.

ГЕОРГИЕВСКОМУ КАВАЛЕРУ.

Н. Гумилеву.

С полком ты снова в Петрограде...
Георгий у тебя в петлице.
Я молча радуюсь награде,
Не время храброму хвалиться.

В онеженных теплом столицах
Нас всех покоит сладкий отдых.
Весенние приветы в лицах
Залог для нас, безсменно бодрых.

Но рана заживет... и грудью
Вновь отстоять пойдем границы...
И в поле битв, припав к орудию,
Мы саблей зацветим зарницы.

ЛЕТЧИКУ.

I. (ЗЕМЛЯ).

С одной звездочкой на погоне-хаки
Недавний артист и поэт,
Ты создан заново для атаки
И для блистательных побед.

Твой аэроплан томится в ангаре.
Это значит бой впереди.
Когда к врагам в убийственном угаре
Взлетишь с бомбами у груди.

Испепелишь луга, вскопаешь пашни,
Путь рельсовый, шоссе и мост...
Смерив презрительно бой рукопашный.
Ты и там сохранишь свой пост!

Западный Фронт, 1914.

ЛЕТЧИКУ.

II. (воздух).

Весенне струит серебрóпуль,
Ротаторясь в пропеллере
И звездах поручичьих...
У военного летчика,
Облетевшаго в мире экваторы
И Константинополь,
Четыре Георгия.
Оргия в эфире
От выстрелов тринадцати...
Уйма их. Берега у птиц.
Поле снарядами выполото.
Кольцевые окопы... и утреннее золото
Окунулось в родное болото,
Ньюпор врезался, как долотó.

Западный Фронт, 1914.

УМЕЕМ УМИРАТЬ.

За Право умирать умеем,
Сумеем победить, поможет Бог.
Германия, твоим затеям —
Лежать разбитыми у наших ног.

Ты первая швырнула вызов,
С гаерством бешенаго палача,
Потомкам... голубых маркизов
И витязей Русланова меча..

Ты знала — не найдешь расплоха,
Не будешь встречена из-за угла...
Охотливо, но слишком плохо..
Европа мир планеты берегла.

Полгода кровью поим пашни,
Но не потух губительный костер.
Злорадствует наш друг вчерашний.
Что нож полвека тóченный остер...

Полмира истекает в ранах,
Неся мольбы за гибель сыновей..
О, РУСЬ, ты в старых ветеранах!
Взойди зарей и тучи гроз развей.

ВСТРЕЧА.

Строен, красив, когда ты на коне
С ученья подъезжал, гарцуя.
Я, мальчиком, таился в стороне
Для отцовского поцелуя.

В душе полудетская буря
Надламывала тоны наших встреч.
Ты шел, как ни в чем балагурия,
Бросив приказ коноводу беречь...

Палатки, что белые пауки...
Гул выкриков Русью звучащий,
Фрунты и приспущенные штыки —
Нам привет под зеленой чащей.

Солнце смуглит строгия лица,
Майския вишни в невестном цвету...
Чур... в лагере можно забыться,
Но-как, когда часовой на посту!

1913.

В БОЙ

На память, дорогому отцу.

Прусский вензель сброшен и значит...
Не нужен болтливый ответ.
Не Берлин нам, а долг маячит
И дедовский боевой завет.

Ты повел, командир любимый,
Своих обласканных солдат.
Пропели в небе херувимы,
Благословив святой парад.

Напоследок часы пробили,
Маятник крепостный замолк.
Клубами предутренней пыли
Заволокся железный полк.

Сверкнула на знамени Плевна,
Гордостью налились сердца.
Штыки обостренные гневно
Ручались за славу конца.

Но концы у боев капризны.
Ты в Пруссии ранен и взят...
Рано вырван из лавр отчизны
Бывалый и верный солдат.

Сентябрь, 1914.

ЮНОЙ МАТЕРИ.

Я прочла его в списке... убитым.
Стало больно, светло, снова жутко.
Кольцо с дорогим хризолитом
Оцеловала без промежутка.

Мой славный, ты — т а м, где герои..
Ты не жив, мой мальчик, не жив больше...
Все, чем дорожили бы трое,
Разбилось о призрак кровавой Польши.

Не стану плакать... мне запретили.
Боже, как странно, что я буду мать,
Что мне можно тевтонской силе
За отца отмстителя воспитать.

1914.

ПОД ЗНАМЕНА

Марш (дань старине).

Идемте все на войну!
Под дружную трель барабана
Не страшны ни смерть и ни рана...
Идемте все на войну!

Чем больше, тем нам скорей
Расплатиться с немецким игом.
За пашки, к ружьям, к пушкам — мигом...
Победа наша, скорей.

Взвейся двуглавый орел,
Укрась добровольное знамя.
На немцев, за Русь всюду с нами
Будешь двуглавый орел.

Отчизна оценит кровь,
Что в битвах сынами пролита,
И там-где надгробная плита,
ТАМ вспыхнет на́ век любовь.

Москва.

Того же автора:

Юные аккорды. Отроческие стихи. 1911.

Первые созерцания. Стихи. 1912.

Серебряная ревность. Готовится к печати.

Поэты и мировой сдвиг в поэзии*). Готовится.

*) В книге будут опубликованы материалы, частью неиспользованные, к лекциям, прочитанным автором в Петрограде и провинции весной 1914 г.: «О достижениях и конце искусства Вчера» (Тенишевский зал, 8 марта), «Футуризме Запада и России» (Псков, 3 мая) и др.

А. Закржевский

ИЗ КНИГИ «РЫЦАРИ БЕЗУМИЯ (ФУТУРИСТЫ)»

В Петербурге возник еще один лагерь футуристов, отчасти родственный кубо-футуристам, под названием «Чемпионат поэтов». Радикализм этой группы безудержен. «Пушкин, — говорят они, — золото, символизм — серебро, современность — тускломедная *Всёдурь*, пугливая выявлением Духа жизни». Они также признают, что человечество у мертвой точки, что мир кончился, но стремления «Чемпионата» противоположны кубо-футуризму. В то время, как последний заявляет, что важно лишь слово, как таковое (Крученых), «Чемпионат» идет против слова «поэтическим боксом», утверждая, что «слово сгнило в слюнявой жевательнице разума» и что язык в поэзии = О. Они признают лишь механичность, движение, энергетику, последняя — для них вдохновение. «Всёдурь», по их мнению, должна окончательно утонуть в энергетике. Во многом они приближаются к акмеистам, на самом же деле идут в совершенно противоположную сторону, называя акмеизм «простодушием бараньего стада». К слову и к книге «чемпионисты» относятся презрительно. «Использованная книга и колбасная кожа выметаются» — говорят они. «Чемпионисты» замечательны тем, что в то время, как все футуристы, в стихах подражая звериным голосам — в критике почему-то объясняются общедоступной человеческой речью, — «чемпионисты» и в «манифестах» своих верны пресловутому «заумному» методу, который местами изобличает в них обыкновенную безграмотность, так что из всей их речи можно лишь понять, что «в настоящее время они распылительно популярият бокс» и что следствием этого явится на символической могиле Брюсова «поэтическая потаскунка!»...

Анчар [В. Боцяновский]

ОБОЗНАЯ ЧЕЛЯДЬ

Пока футуристы думают да гадают о будущем, у нас вдруг народилась кучка поэтов, которой, оказывается, при обычном порядке вещей пришлось бы оставаться в царстве не родившихся душ еще миллионы лет.

Об этом я узнал совершенно случайно, купив тощенькую розовенькую брошюру, украшенную какой-то странной виньеткой, взглядевшись в которую, я совершенно явственно заметил: во-первых, заглавие «Чемпионат поэтов», и во-вторых дату.

Дата меня прямо потрясла. Перед ней знаменитое Мартобря — ничто. На книге значится: «год 4.887.421».

Недурной годик! Даже по телефонной системе его сразу не выговоришь! Понятно, с каким волнением я начал перелистывать тощенькую брошюрку, опередившую нас почти на 5 миллионов лет!

Не смешивайте «чемпионата поэтов» с «цехом поэтов».

Во главе «цеха» стоит С. Городецкий и прочие именуемые, для пущей важности, «акмеистами»... Это «чемпионат».

У него, оказывается, свои задачи. Но, конечно, прежде всего, по примеру других прочих, он стремится пробить «брешь в голову читателя»!-

Бедный читатель! Какая у него должна быть голова! Одни дают этой голове «пощечины» за ее вкусы, другие пробивают «бреши»... Совершенно «турки», на которых силу пробуют!

Правда, «чемпионы» в предисловии «дружно извиняются за свою неизвестность»... Имена, действительно, все неизвестные... Пишутся без твердых знаков, но стоят на позиции твердо и грозят кулачным боем.

— В настоящее время, — пишут они, — распылительно популярен бокс. Тут защита — одинакая надежда умерить пыл к тухлым овощам и традиционным калошам. За превосходство брошенной наши моды — ее качество. Впрочем, это красноречивее доскажет предстоящая поэтическая трещина на символической могиле скорбника Брюсова.

Предстоит, значит, еще анкраморский бой с Брюсовым! А пока, до поединка, «чэмпионы» веселятся и демонстрируют произведения собственной музыки.

О, это великие произведения! Например:

Дурак в клетку ехалася лошадыю
Ужасно смешно

Смехучее ужасно
Что Вы чихаете
А-а-а
Ужасное не смехуче
Слушайте куда Вы
Чему Вы зажались
Уже не любите мозгов
Не беритесь совсем
Оставьте хоть слезы сочинителю
Вам не к роже
Ему принадобеются
Грезы березы морозы
Плакатные розы
Из мирскорня...

Среди членов этого чемпионата, есть некая Чеслава Мальтанская! Это звучит... громко! Ея стихотворение — шедевр, который через миллионы лет будет производить на наших потомков потрясающее впечатление. Вот оно:

Под глазами проехали колесом
И томило под ложечкой
Дразнились голубые ботинки
Медночетким веером на каблучках
Зеваки липли мухами
Моргали мимо и топали
Топались толпились чмокали
Нога корчилась мозолями
Просилась в лапти и валенки
Скользнуло и рушилось
Блестючкой на холеном мизинце
Безпомощном болтуне у жилета
Иг уог гоу ги
Мукселись мозоли
Зеленые кочки запрыгали в глазах
Взапуски сустились раздушенные лизуны
Мяли карманы
Давали нюхать
Нюхались

Вот в таком роде и все остальное, прочее.

Конечно, мимо этого «чэмпionato» смело можно пройти, его не заметив.

Нужды нет, что один из членов его Чеслава Мальтанская готовит к печати сборник «Плевки на зеркале», другой член «Голубые сумбуры» и т. д., и т. д.

Дело не в этих плевках и сумбурах! Читатель от них посторонится и, конечно, уж никакой бреши в своей голове не ощутит.

«Чэмпionato» — интересен только в одном отношении, интересен, как факт, весьма печальный для... футуристов.

Только что о них начали читать лекция, писать статьи и вдруг эти «чэмпionato».

В сущности, эти чэмпionato имеют вид и значение факельщиков из бюро похоронных процессий.

Они свидетельствуют о трупе.

Помните, как обозлился в свое время Андрей Белый, когда за колесницей представляемого им символизма и декадентства вдруг заметил «обозную сволочь» мелких подражателей! Как только он увидел эти обозы, он понял, что декадентам пришел конец.

Но ведь декаденты все же существовали очень долго. И нельзя сказать, чтобы им пришел конец.

А вот футуристы! Не успели появиться на поверхности, как за ними уже потянулись факельщики «чэмпionato», усвоившие себе все их ухватки!.. Тощенькие брошюры этих «чэмпionato» уже валяются на прилавках книжных магазинов совсем рядышком с кручеными брошюрками футуристов.

Потянулись обозы... Да, не долго царили футуристы и не далеко ушли.

Г. Г.— [В. Шершеневич]

ЧЕМПИОНАТ ПОЭТОВ. С.-ПБ. 30 к.
МАРКОВ И ДУРОВ. КАБЛУК ФУТУРИСТА. М. 35 к.

Все знают, что во время предрождественской горячки торговцы из Охотного ряда подсовывают растерявшимся, засуматошившимся покупателям всякую тухлую дрянь. Точно таким же «принципом» руководились авторы вышеназванных книг. Публика раскупает сейчас футурные издания, не разбирая, кто плох, а кто хорош. Критика окончательно разуверившаяся, что может зазвать кого-нибудь в киоск Куприных или Арцыбашевых, стала рекомендовать, как талантливых футуристов, скромного символиста Д. Крючкова, почему-то сотрудничающего в «Пет. Глашатае». В сутолоке несколько ловких бездарий выпустили «Чемпионат поэтов», где от футуризма столько же, сколько в строчках Эльснера или Бунина.

Два других издали «Каблук футуриста». Чтобы дать представление о «футуризме» этих гимназистов третьего класса, еще не вполне осиливших этимологию и букву ъ, процитирую пару строк, — оставляя орфографию подлинника:

И вся толпа в безумье гнева
Со злобой выла как артист.
Толпа, ты рождена для хлева
Оставь меня, я футурист.

Я не могу сказать, что г. Дуров способнее г. Маркова, но г. Марков бездарнее г. Дурова. Книга, вероятно, будет иметь материальный успех, так как на обложке слово «Футурист» напечатано отчетливо да еще с прибавкою безграмотного «Stihi».

В. Марков

ИЗ КНИГИ «ИСТОРИЯ РУССКОГО ФУТУРИЗМА»

Заметили «настоящие» футуристы и книгу «Чемпионат поэтов», изданную в Петербурге в 1913 году группой под тем же названием. Ее авторы — шесть никому не известных поэтов, стихи которых явно пародируют поэзию гилейцев (одно повествует о горилле, в другом упоминаются «ораво-уродные гиперборейцы»). Венец книги — манифест «Брепшь в голове читателя» с явно восходящим к «Пощечине общественному вкусу» названием. В одном из своих книжных обзоров Шершеневич назвал поэтов «Чемпионата» «ловкими бездарями», которые «с футуризмом не имеют ничего общего». Немного спустя, в том же 1913 году, та же группа издала брошюру под названием «Всёдурь. Рукавица современью». В ней всего два стихотворения (подписанные авторами «Чемпионата поэтов»), характерная особенность которых — неологизмы и фрагменты слов. Стихам предшествует довольно невразумительная статья, где современность объявлена «мертвой точкой» и презрительно названа «всёдурью». О поэтах «Чемпионата» сказано, что они используют в поэзии приемы поэтического бокса, превращают язык поэзии в нуль и переносят центр тяжести на материю, выражать которую необязательно.

Н. Гумилев

ИЗ «ПИСЕМ О РУССКОЙ ПОЭЗИИ»

Анатолий Пучков — отличный образчик непоэта. Ему решительно нечего сказать, и он путается в словах и ритмах, как в каких-нибудь крепких тенетах. В его стихах трудно разобрать, где кончается метафора, где начинается недоразумение. Самые редкие, самые звучные рифмы в них становятся тусклыми, как «розы — грезы». В книге часто встречаются футуристические словечки, один из отделов определен, как вторая тетрадь «Русских Символистов». Но не будем гадать, кто он, футурист или символист. Его стихи вне этих определений, потому что, прежде всего, не принадлежат к поэзии.

Г. Иванов

АНАТОЛИЙ СЕРЕБРЯНЫЙ

— Давно искал случая...

...Позвольте представиться?.. Анатолий Серебряный...

...Разрешите поднести вам сборник моих стихов.

И, теребя грязноватыми пальцами жидкую бородку:

— С одной стороны будучи последователем классической традиции, с другой считаю, что поэзия должна улавливать темп современности...

Это еще до войны в 1912-1913 году. С вылинявшей бородкой, плохо вымытыми руками, тощий, костлявый поэт Анатолий Серебряный всюду, где можно — на литературных вечерах, в передних редакций, на улице, останавливает совершенно незнакомых с ним людей, жмет руку, подносит свою книгу, сообщает свои взгляды на поэзию, спрашивает адрес: «Сочту долгом засвидетельствовать почтение». И никогда «не забывает этого долга».

Если вы, растерявшись, дали ему визитную карточку или номер телефона — будьте уверены: непременно явится, и в самое ближайшее время. Придет, развязно, как со старым знакомым, поздоровается, без приглашения развалится в кресле, без приглашения вытащит толстую засаленную тетрадь:

— В настоящее время я пишу стихи с мистическим уклоном, так как пришел к убеждению, что в душе современного человека мистика...

Потом он будет читать стихи. Много стихов, и «с уклоном», и без.

Голос у него неприятный, хриплый, жесткий... Читает он нараспев, размахивая руками и разбрызгивая слюну. Иногда, должно быть в самых мощных по мнению автора местах, чтение переходит в свистящий визг. Тогда острый кадык поэта судорожно подпрыгивает над огромным измятым бантом в горошину и слюна летит прямо в лицо несчастного слушателя.

Стихи же такие:

На струнах людской души
Дух играет злобы,
Подпевает: согреши,
Насладиться чтобы.

В промежутках между стихами и разговорами о «мистических уклонах» Анатолий Серебряный мимоходом бросает:

— Вчера на рауте у княгини Голицыной...

— Мой отец, богатый помещик... юга России... когда я еще был в школе правоведения...

И все это, разумеется, выдумки. Ни на каком рауте он никогда не был и учился в обыкновеннейшей полтавской гимназии, которую так и не окончил, должно быть, к большому огорчению своего отца — кажется, станового пристава.

Настоящая фамилия поэта Анатолия Серебряного — Пучков. Анатолий Никандрович Пучков.

Анатолий Пучков. Говорит ли вам что-нибудь это имя?

Вы не следите за поэзией? Нет, нет — поэзия тут ни при чем. Я ведь спрашиваю не о Серебряном, а о Пучкове. Пучков, Анатолий Пучков? Еще такая закорючка на подписи — вверх, вниз и опять вверх? Не вспоминаете?

Но если вы петербуржец и жили в 1918-1922 году в северной столице — получали же вы из Дом-ком-бед карточку, прикрепляли ее, стояли с ней в очереди за тощим пайком?

Карточка еще такого мышиного цвета. Наверху лозунги: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и «Кто не трудится — тот не ест». По бокам купоны — на невыдаваемый хлеб, на несуществующий сахар, знаменитый тридцать третий купон на гроб. Посередине печать и подпись. А на обороте стихи. Хорошие стихи, добрые:

Когда капитализм
Склонится, издыхая,
Откроет коммунизм
Для граждан двери рая.
Но то не будет рай
Господ, а рай рабочих —
Трудись и получай
За честный труд, что хочешь.

Дальше гражданам рекомендовалось «немного подождать», покуда рай наступит. Ну а те, что ждать не могли, — тоже не могли считать себя неудовлетворенными — к их услугам был тридцать третий купон.

Кто же был автором этих стихов? Кто был составителем этой продовольственной карточки, так заботливо предусматривавшей все нужды счастливых граждан, вплоть до соснового гроба? Анатолий Пучков. Чья подпись закорючкой вверх, вниз и снова вверх стояла в центре ее под печатью Петрокоммуны — Анатолия Пучкова!

«Заведующий распределительной частью Петрокоммуны Анатолий Пучк...»

И — закорючка.

То, что Петрокоммуной распоряжается Пучков, «тот самый Пучков», открыл, неожиданно для самого себя, нынешний редактор «Чисел» поэт Н. Оцуп.

Однажды во «Всемирной литературе» на общем собрании после долгих дебатов, суть которых сводилась к тому, что «все что-то получают, потому что хлопочут, а мы никогда ничего, так больше нельзя», — это «общее собрание», составленное из цвета петербургского «литературного мира» (ибо «Всемирная литература», основанное Горьким издательство всяческих переводов, была единственным местом, где можно было, «не теряя чести», если не печататься, то заниматься литературным трудом, получая за него гонорар): миловидных дактило, секретарш и библиотечарш, пышной рыжеволосой дамы, носившей громкий титул герцогини Лейхтенбергской, — это общее собрание, после дебатов, единогласно постановило основать «хозяйственный комитет», который чего-нибудь бы доставал.

И так же единогласно председателем этого комитета решили выбрать поэта Оцупа. Почему именно Оцупа? На это были веские причины.

Во-первых, у него был оставшийся от военных времен полушубок и желтый портфель, в котором во «Всемирную литературу» носили рукописи переводов, оттуда сахар и всякую подозрительную гастрономию нашей маркитантки Розы. Той самой Розы, которая важно сидела в прихожей «Всемирной литературы», разложив свои товары и расположившись так, чтобы получающие гонорар должники не могли уйти не заплатив, а свободный от долгов не соблазнившись купить чего-нибудь. Той самой Розы, которой отчаянно льстили все ее клиенты, за которой ухаживали, как ухаживают за женой Рокфеллера, — Розе этой было лет под шестьдесят, в альбоме которой (в этом альбоме были и Блок, и Гумилев, и Соллогуб) писали:

Печален мир. Все суета и проза,
Лишь женщины нас тешат, да цветы,
Но двух чудес соединенье ты:
Ты женщина! Ты роза!

Роза благосклонно принимала.

Итак, у Оцупа были полушубок военного образца и портфель. От этих полушубка и портфеля, соединенных вместе, действительно, так и разило «завоеваниями революции». Уполномоченный, так декорированный, имел, конечно, шанс, которого не давал ему мандат, нащелканный на нашем жалком бланке, — шанс пролезть через игольные уши приемных, сквозь очереди и секретарей, добиться аудиенции у какого-нибудь «зава» и что-нибудь у него выпросить. Кроме того, у Оцупа, несмотря на то,

что он, как и все остальные, питался картошкой и продуктами Розы, — была, от Бога, «сытая» внешность, какая и полагалась настоящему, способному внушить к себе доверие «предхозкому».

Собрание все это учло.

Бедный поэт вздохнул, положил мандат в портфель, надел свой «комиссарский» полушубок и отправился в Петрокоммуну.

Добившись приема у грозного «заведующего распределительной частью», он с удивлением и блаженством узнал в нем старого знакомого — Анатолия Серебряного.

Далее «было все очень просто, было все очень мило». Пучков прочел «венки сонетов». Оцуп одобрил рифмы. Пучков просиял и, оторвавшись на минуту от приятной беседы, прокричал в телефон распоряжение немедленно приготовить ордера «на все» — шапки, пальто, муку...

Потом этот способ разыскивать в советских учреждениях графоманов и при их помощи устраивать железнодорожный билет или калоши стал общеизвестным, опошлится, так сказать. Но честь его открытия принадлежит Н. Оцупу.

* * *

Кстати — очень характерная вещь: обилие всевозможных неудачников от искусства на высоких постах Советской России.

Каждый, кто имеет отношение к литературе, особенно, если он редактировал что-нибудь, секретарствовал, читал рукописи, знает, как огромное количество этих людей. И какой «заряд» самолюбия, честолюбия заложен в каждом из них, какая жажда славы и какая уверенность, что на славу эту кто-то, а уж он-то имеет право.

Потомки. Я бы взять хотел,
Что мне принадлежит по праву:
Народных гениев удел,
Неувядаемую славу...

Это случайно всплывшие в памяти стихи одного из таких графоманов. Не помню ни фамилии автора, ни того, где и при каких обстоятельствах пришлось с ним встретиться. Но стихи запомнились, запомнилось и лицо. Хитрая, острая мордочка, смесь наглости и робости, хвастливой самоуверенности и готовности хоть чужие сапоги целовать, только бы его приняли, напечатали...

Графоман совсем не то, что обыкновенный пишущий без особого та-

ланта. Тот предан литературе, дышит ею. Не его вина, если у него ничего не выходит.

Для графомана наиболее, по его мнению, достойная цель — добыть «народных гениев удел».

Властвовать, распоряжаться, быть предметом внимания — вот на что направлена вся его часто поистине железная воля. В обыкновенные времена эта воля уходит на писание поэм и хождение с ними по редакциям. Но вот настал октябрь...

Потомки. Я бы взять хотел,
Что мне принадлежит по праву...

О, как бы еще хотел! И как уверен, что по праву принадлежит. В обыкновенные времена, однако, «взять» не так-то легко, «близко локоть»... Но вот пришла советская власть...

Один мой «перекинувшийся» приятель, встретив меня на улице в 1918 году, соблазнял меня «шагнуть в ногу с революцией», предлагая на выбор места вроде директора госуд. театров или Публичной библиотеки. — На первое время, потом вас заметят, оценят... — Предложение было вполне серьезное. То же лицо повторило его вскоре малоизвестному композитору Артуру Лурье. Тот согласился и не дольше как через месяц занимал пост, равный товарищу министра искусств.

Когда такие предложения директорских мест, мимоходом, на улице, чуть ли не первому встречному, стали реальнейшей реальностью — подумать только, какой простор открылся перед всеми российскими неудачниками. Право, не будет большим преувеличением, что памятный саботаж «всей России» в 1917 году был прорван, как вода прорывает плотину, именно этими людьми, так долго и злобно ожидавшими «принадлежащих им по праву» власти, силы, известности.

Так долго длилось ожидание. И вот, наконец, директорские места валяются прямо на улице, вместе с семечками и окурками. Подбирай, кто хочет.

О, еще бы не хотеть! Ведь всю жизнь только и мечтал об этом.

— Так бери.

Пучков был, кажется, впрочем, не из числа самых первых, оценивших и реализовавших открывшиеся «возможности». Может быть, его смущало (вполне ложный, разумеется, стыд) то, что он еще совсем недавно был членом черносотенной «Палаты Михаила Архангела». Как бы там ни было, ни «Лито», ни «Музо», ни госуд. театры ему уже не достались. Поэт Анатолий Серебряный превратился в продовольственного комиссара «Северной Коммуны».

Купон на сахар. Купон на гроб. Под печатью с серпом и молотом: «За-

ведущий распределительной частью Анатолий Пучк...»

И — закорючка.

* * *

Когда я слышу о все возрастающем гнете, который теперь испытывают писатели в Советской России, я удивляюсь.

Не тому, разумеется, что гнет существует. Нет — другому. Тому, что мы его не ощущали.

«Мы» это те, кто прожил в Петербурге до 1922 года. Этот 1922 год был «поворотным».

Весной 1922 года литературная жизнь Петербурга еще текла так, как она сложилась за пять лет революции. Действовали Дома — Литераторов и Искусств, действовали издательства, настолько еще независимые, что не боялись, например, издавать сейчас же после казни Гумилева его книги, и, например, я, эти книги редактируя, не считал особой смелостью со своей стороны во вступительных статьях давать соответствующую оценку не только стихов, но и личности разстрелянного «белогвардейца».

Разумеется, книг издавалось мало, разумеется, цензура давала себя знать, — но это воспринималось как стеснение, неудобство такого же «физического» свойства, как отсутствие хлеба, дров. Над душой писателя власть еще не имела прав. Может быть, оттого, что тогда никому еще в голову не приходила мысль о возможности быть изданным Государственным издательством, т. е. прикрепиться. Потому тоже, что Государственному издательству не пришла в голову мысль писателей закрепить — ибо «слаб человек»...

Как бы там ни было, до 1922 г., когда все как-то сразу увяло — и «дома», и надежды на «свободную газету», и наша жалкая независимость, когда одних выслали, <другие> принялись хлопотать об отъезде сами, — в Петербурге возможна была та своеобразная литературная и духовная жизнь, о которой вспоминаешь теперь с волнением и грустью, от которой осталось ощущение — нет, не гнета, — напротив, какой-то «астральной» свободы.

Но осенью 1922 г. явно пришел конец всему этому. Стало ясно — надо убраться, и чем скорей, тем лучше.

Я стал хлопотать о паспорте. Чтобы получить его, требовалось поручительство хотя бы одного коммуниста. И тут оказалось, что ни у меня, ни у моих друзей нет ни одного большевика, знакомого настолько, что можно было к нему с такой просьбой обратиться. Может быть, в этом

обстоятельстве и скрыто объяснение того странного чувства «свободы», которое сохранилось от пяти лет жизни в советском Петербурге.

Подпись была все-таки нужна. Наудачу я отправился к Пучкову. Я не видал его давно, очень давно — с тех самых пор, когда он был еще Анатолием Серебряным. И когда меня впустили в кабинет, я не узнал его. От Анатолия Серебряного не осталось и тени. Из-за пышного «министерского» стола мне навстречу поднялся... Наполеон.

Ну, не Наполеон — Муссолини, Кемаль-Паша, Гитлер — словом, прирожденный диктатор — сталь, гроза. Впервые я воочию убедился, как власть — даже над селедками и калошами — может изменить человека. Его движения были сама отрывистость и четкость, голос — металл, глаза (подумать только, «те же самые» водянистые, заискивающие глазки) — пронизывали. Даже кадык куда-то исчез.

Принял меня диктатор, впрочем, очень любезно. Вспомнил я опять Оцупа и попросил его прочесть мне стихи. Диктатор грозно нахмурился и прочел мне поэму. Поэма была в смешанном футуристически-продовольственном вкусе. Чтобы не подражать Оцупу, я похвалил не рифмы, а ритм. Диктатор просиял, и на его «железном» лице на мгновение промелькнуло что-то прежнее, «серебряное».

Он сгоряча пообещал мне поручительство — охотно, какие могут быть разговоры, — но когда я принес ему на другой день бланк для подписи — он подписать отказался. Пробормотал что-то невнятное о партийной дисциплине и перевел разговор.

Поручился за меня какой-то знакомый моего знакомого, никогда не выдавший меня в глаза. Я послал ему в ответ (это был коммунист из мелких, какой-то красный командир) свой портсигар из слоновой кости — довольно ценную вещь. Но портсигар на другой день вернулся ко мне с благодарностью и ссылкой... на ту же партийную дисциплину.

* * *

Пучков кончил странно. Недавно мне рассказали, что он не только лишен продовольственного трона, но исключен из партии и отдан под суд. Он, оказывается, влюбился, возлюбленная его умерла. И вот (должно быть, под влиянием потрясения старый яд декадентства бросился в его слабую голову) — он бальзамирует ее тело, строит под Петергофом мавзоль в египетском вкусе и ежедневно ездит туда служить какая-то месса. Об этом узнали где следует и, естественно, возмутились. Расследование к тому же выяснило, что египетский мавзоль выстроен на «кровных пролетарских деньгах» — доходы от калош и селедок...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

А. Шерман

ПОСЛЕСЛОВ «ЧЕМПИОНАТА ПОЭТОВ»

Говорят, Энди Уорхол как-то обмолвился: дескать, в будущем каждого ожидает пятнадцать минут славы. А может, то был не Уорхол, а фотограф Нат Финкельштейн, но суть от этого не меняется, да и Уорхол не особенно возражал, когда ему приписывали знаменитое высказывание.

Глебу Мареву пришлось дожидаться своих 15 минут свыше 80 лет, до выхода книги О. Ронена *The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature*, изданной позднее на русском языке под заглавием *Серебряный век как умысел и вымысел*¹. Именно в ней замечательный литературовед установил, что Марев был, по-видимому, первым, кто придумал расплывчатый и ныне общеупотребительный термин «серебряный век».

«Недавний парад “Чемпионата Поэтов” завершил историю Поези предельным достижением. Пушкин — золото; символизм — серебро; современье — тускломедная Вседурь, путливая выявлением Духа Жизни (*perpetuum mobile*) века Железа», — так начинался манифест Марева «Вседурь», помещенный в одноименной брошюре 1913 г.

Брошюра являлась вторым изданием авангардной петербургской группы «Чемпионат поэтов», заявившей о себе в том же году книжечкой *Чемпионат поэтов*. Эта 16-страничная публикация с украшенной виньеткой И. Мозалевского² обложкой была, к вящей радости критиков, датирована «М. Невск, год 4887421».

Шестерка участников *Чемпионата* продемонстрировала в альманахе широкий спектр чужих достижений. В книжке нашлось место для декадентского эротизма (Иван Евдокимов), футуристического урбанизма в сочетании с попытками словотворчества и зауми (Чеслава Мальтанская), символистских пейзажей Глеба Марева, акмеистической зарисовки (Бор. Скоробогатко), эпатажа в духе Д. Бурлюка и А. Крученых (Ф. Соловьев) и

¹ Ronen O. *The Fallacy of the Silver Age in Twentieth-Century Russian Literature*. Amsterdam, 1997 (Sign/Text/Culture: Studies in Slavic and Comparative Semiotics, Vol. 1); Ронен О. *Серебряный век как умысел и вымысел*. М., 2000 (Материалы и исследования по истории русской литературы. Вып. 4).

² И. И. Мозалевский (1890-1975) — художник, график, книжный иллюстратор, художественный критик. Брат писателя В. И. Мозалевского (1889-1970). В 1913-16 гг. рисовал виньетки, заставки, иллюстрации для петербургских журналов *Аполлон*, *Аргус* и *Лукоморье*. Позднее работал в Киеве, с 1920 г. в Берлине и Париже, в 1947 г. вернулся в СССР.

умеренно-модернистских экзерсисов Анатолия Пучкова. Завершалось издание маленьким манифестом «Бреши в голову читателя» с нападками на «хромоногих акмеистов», «скорбника Брюсова» и И. Северянина («оказалось, он не только муслит стихи, но и дает концерты»).

Задняя сторона обложки сообщала читателю, что у «Чемпионата поэтов» имеется «ректориат»³, утопающий на момент публикации в «исключительном наплыве материала», в том числе присланных авторами «значительных» книгах и сборниках. Здесь же анонсировались намеченные к выходу книги — «Плевки на зеркале» Мальтанской, «Голубые сумбуры» Пучкова, «Esomena (Механика)» Марева и «Уродные миги» Скоробогатко. Ни одна из них, за исключением «Городских смен» Евдокимова (1913), в свет так и не вышла.

Критика предсказуемо изничтожила альманах. В *Дне* В. Смельским (Т. Глаголевой) отмечалось подражание кубофутуристам «в изобретении нелепых слов», «обветшалость и изжитость» литературного багажа, «лишь покрытого модным знаменем футуризма»⁴. Критик *Биржевых ведомостей* В. Боцяновский усмотрел в появлении «Чемпионата поэтов» и прочей «обозной челяди» подражателей знамение близящегося конца футуризма: «В сущности, эти чемпионы имеют вид и значение факельщиков из бюро похоронных процессий. Они свидетельствуют о труп»⁵.

Наконец, в «Первом журнале русских футуристов» В. Шершеневич назвал авторов *Чемпионата* примазавшимися к футуризму «ловкими бездариями»⁶. К слову, футуристы остались недовольны журналом, и К. Большаков сравнил стихотворный отдел (которым и ведал Шершеневич) с *Чемпионатом*: «Если 2 № нашего журнала будет таким же, как и первый, то мне кажется, его не следует и издавать. Более слабые сборники в настоящее время разве только Чемпионат поэтов и благотворител<ей> из провинции»⁷.

Участники «Чемпионата» ответили на критику уже упоминавшейся брошюрой *Всёдурь: Рукавица современью*. Две из ее четырех страниц были заняты заумными стихотворениями Пучкова и нового автора — Вас.

³ Вероятно, подражание «Ареопагу» «Интуитивной Ассоциации Эго-футуризм» И. Игнатьева.

⁴ День. 1913, 23 дек. (приложение). Цит. по: Кеда А. А. Пучков Анатолий Иванович // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. Т. 5. М., 2007. С. 185.

⁵ Анчар [Боцяновский В.]. Обозная челядь // Биржевые ведомости. 1913. № 13832, 31 окт. (веч. выпуск). С. 5.

⁶ Г. Г.—[Шершеневич В.]. Чемпионат поэтов... [Рецензия] // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1-2. С. 139.

⁷ Из записной книжки К. А. Большакова // Архив Н. И. Харджиева. Стеделейк музей (Амстердам). Папка 173. Цит. по: Крусанов А. В. Русский авангард 1907-1932: Исторический обзор. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010. С. 159.

Наумова, еще на двух расположился манифест, в котором Г. Марев провозгласил наступление «Конечного Века» поэзии. Футуристы и газетные рецензенты обошли *Всёдурь* молчанием, однако крошечное издание заметил известный киевский критик А. Закржевский. В книге *Рыцари безумия: (Футуристы)* (1914) Закржевский писал:

В Петербурге возник еще один лагерь футуристов, отчасти родственный кубо-футуристам, под названием «Чемпионат поэтов». Радикализм этой группы безудержен. «Пушкин, — говорят они, — золото, символизм — серебро, современность — тускломедная *Всёдурь*, пугливая выявлением Духа жизни». Они также признают, что человечество у мертвой точки, что мир кончился, но стремления «Чемпионата» противоположны кубо-футуризму. В то время, как последний заявляет, что важно лишь слово, как таковое (Крученых), «Чемпионат» идет против слова «поэтическим боксом», утверждая, что «слово сгнило в слюнявой жевательнице разума» и что язык в поэзии = О. Они признают лишь механичность, движение, энергетику, последняя — для них вдохновение. «Всёдурь», по их мнению, должна окончательно утонуть в энергетике. Во многом они приближаются к акмеистам, на самом же деле идут в совершенно противоположную сторону, называя акмеизм «простодушным бараньего стада». К слову и к книге «чемпионисты» относятся презрительно. «Использованная книга и колбасная кожа выметаются» — говорят они⁸.

Таким образом, к рассуждениям О. Ронена можно добавить текст-посредник Закржевского — видимо, видимо, послуживший трамплином для распространения понятия «серебряный век».

На этом краткая история «Чемпионата поэтов», казалось бы, подошла к концу, однако после трехлетнего молчания в Петрограде под маркой объединения вышла книга Г. Марева *Первая арзология: Послеслов «Чемпионата Поэтов»* (1916). Книга отличалась необычным, вытянутым по вертикали форматом и содержала образчики «драматиз» — «арзологических» сочинений Марева. Здесь был также помещен достаточно невнятный и не лишенный милитаристских (по образцу Ф. Т. Маринетти) и шовинистических ноток («Петроград — центр культуры Обновленной Земли», «Верховенство Русского Искусства») манифест этого «первого Арзолога», провозгласившего себя «истребителем футура». В манифесте Марев походя разделивался с литературными соперниками от Ф. Сологуба и А. Ремизова «с компанией третьесортных поэтов» до «воров французской

⁸ Закржевский А. Рыцари безумия: (Футуристы). Киев, 1914. С. 126-127. В свою очередь, Г. Марев заметил книгу Закржевского и с удовольствием упомянул ее в своем следующем манифесте.

Символики (Бальмонт, Блок, Брюсов)», эго-футуристов и «безграмотных переводчиков итальянского Футуризма (Кульбин, “будетляне”))». Положительной оценки, помимо «чемпионов» В. Наумова и А. Серебряного (Пучкова), удостоились только И. Зданевич, М. Ле-Дантю, Н. Гончарова с М. Ларионовым и «ассоциация “Blast’a” в Лондоне»⁹. Будущее, по мнению Марева, за «механическим мироощущением» и «архитектурно-строительным» путем «Арзологии + Синт.<ез>». Вместе с тем, некоторым «драматизм» Марева была присуща известная выразительность, и в целом *Первая арзология* стала главным достижением круга «Чемпионата поэтов».

Закономерно возникает вопрос — что это был за круг и существовал ли он вообще? А. Кеда справедливо предполагает наличие среди авторов *Чемпионата* ряда «вымышленных лиц», прежде всего «Чеславы Мальтанской»¹⁰; «Вас. Наумов» из брошюры *Всёдурь* явно выглядит аватаром А. Пучкова. Что же касается И. Евдокимова, то его, судя по дневниковой записи от ноября 1913 г., заманили в альманах обещанием участия в солидном издании и к тому же, как цинично выразились бы в наши времена, «раскрутили на деньги»: «Как я ругаю себя, что связался с этими хулиганами... Взяли с меня деньги, обманули с предисловием... не показали ни одного из своих стихов... Впредь наука»¹¹.

Был ли еще одной «вымышленной личностью» наиболее заметный участник группы «Чемпионат поэтов» — «загадочный», как принято его аттестовать, и овеванный призрачной дымкой («марево») Глеб Марев? Мы не располагаем никакими подтверждениями реального бытия Марева, за исключением сомнительного автографа¹², в 2018-21 гг. долго скитавшегося по московским букинистическим аукционам. С другой стороны, некоторые биографические и стилистические черты текстов Марева роднят его с Пучковым.

Без ответа остается и другой вопрос: являлась ли деятельность «Чемпионата поэтов» по существу пародийной — либо искренней попыткой вплести свой голос в нестройный хор литературного авангарда? Крупнейший историк русского футуризма В. Марков склонялся к первой версии, но все же, не испытывая «полной уверенности», включил манифест Ма-

⁹ Подразумевался журнал английских вортицистов *Blast*, два номера которого вышли в 1914-1915 гг. Это никак не «мистификация», как предполагает А. А. Кеда.

¹⁰ Кеда А. А. Там же, с. 185.

¹¹ РГАЛИ, ф. 1246, оп. 3, № 119, л. 7. Цит. по: Кеда А. А., там же, с. 185-186. Помещенное в альманахе стихотворение Евдокимова «Горилла» — уморительно смешной пример декадентского «эротического ужаса» и одновременно важный вклад в большой массив «обезьянней» художественной литературы.

¹² Владельческая надпись «4.П.914. Глеб Марев. СПб.» на титульном листе книги *Манифесты итальянского футуризма* (М., 1914).

рева из *Всёдури* в качестве приложения в составленный им сборник манифестов русских футуристов¹³.

Из всех авторов «Чемпионата поэтов» известности добились лишь И. Евдокимов и А. Пучков, соученики по историко-филологическому факультету Санкт-Петербургского университета, первый — как писатель и искусствовед, второй — как большевистский чиновник.

Иван Васильевич Евдокимов (1887-1941), сын флотского фельдфебеля, учился в земской школе и двуклассном министерском училище, побывал торговцем, писцом, телеграфистом и статистиком; послу получения аттестата зрелости в Вологодской гимназии (1911) поступил в университет. В 1913 г., как уже говорилось выше, выпустил книгу стихов *Городские сны*. После революции жил и работал в Вологде, написал несколько искус-

И. Евдокимов

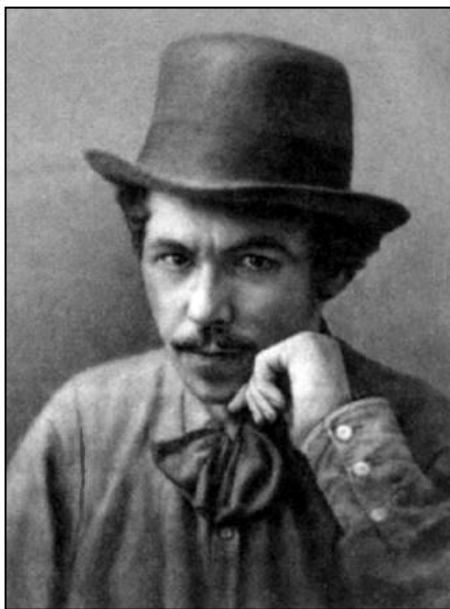


ствоведческих и краеведческих работ, посвященных Русскому Северу. В 1922 г. переселился в Москву, работал редактором в Госиздате, с 1925 г. публиковал прозу и с 1926 г. целиком посвятил себя литературе. В конце 1926-1927 гг. состоял в подвергавшейся травле группе «Перевал». Перу Евдокимова принадлежат сборники рассказов «Овраги» (1927), «У Трифона-

¹³ Манифесты и программы русских футуристов. Под ред. В. Маркова. Мюнхен, 1967. Ср. в *Истории русского футуризма*, где Марков пишет, что стихи авторов *Чемпионата* «явно пародируют поэзию гилейцев» (одно повествует о горилле, в другом упоминаются «ораво-уродные гиперборейцы»)» (Марков В. История русского футуризма. СПб., 2000. С. 183). Последний выпад, как нам кажется, не имеет никакого отношения к «Гилее» и отсылает к акмеистическому журн. *Гиперборей* (1912-1913).

на-корешках» (1927), «Закоулки» (1932), повести «Сиверко» (1925), «Дорога» (1932), «На солнце» (1937) и др., романы «Колокола» (1926), «Чистые пруды» (1927), «Зеленая роща» (1931), «Архангельск» (1933) и пр., биографии В. Сурикова, И. Репина, И. Левитана и другие сочинения.

Анатолий Иванович Пучков (1894-1973), сын поручика 6-го пехотного Либавского полка, родился в Брест-Литовске. По окончании гимназии поступил на математическое отделение Санкт-Петербургского университета, в 1912 г. перевелся на историко-филологический факультет, который так и не закончил, проучившись с перерывами до 1919 г. (был трижды отчислен за «невзнос платы», дважды восстанавливался).



А. Пучков

В 1912 г. Пучков выпустил сборник *Юные аккорды* — как точно отмечено в наиболее детальной биографической справке, «полулюбительский» и содержащий подражания альбомной лирике первой половины XIX в.¹⁵ В неопубликованной автобиографии Пучков писал, что «в последующие студенческие годы напечатано еще несколько моих поэтических стихов-сборников, где я выступал как непримиримый враг среды и новатор — против буржуазных устоев в культуре <...>, против старой орфографии с буквой

¹⁵ Кеда А. А. *Op. cit.*, с. 185.

“ять”, против шовинизма, даже с воззваниями против войны и за массовое демократическое искусство»¹⁶. Как указано в автобиографии, одновременно Пучков занимался подпольной работой в «военно-боевой организации большевиков».

В первые университетские годы Пучков посещал Пушкинский семинар С. Венгеров и Неофилологическое общество под руководством проф. Ф. Брауна. Увлечшись футуризмом, стал называть себя «Анатолием Серебряным» и раздавать визитные карточки с надписью «Анатолий Серебряный. *Il futurista*»¹⁷. На задней обложке его второй книги *Последняя Четверть Луны* (1915) указаны прочитанные им в 1914 г. лекции: «О достижениях и конце искусства Вчера» (Петербург, Тенишевский зал, 8 марта), «Футуризм Запада и России» (Псков, 3 мая) и др.¹⁸

В *Последней Четверти Луны* никаких «воззваний против войны» не наблюдалось — напротив, наряду с подражаниями Северянину и Маринетти здесь содержались вполне милитаристские призывы: «Идемте все на войну! <...> На немцев, за Русь всюду с нами / Будешь двуглавый орел» и т. п. Стихотворение «Георгиевскому кавалеру» было посвящено Н. Гумилеву; похоже, не столько мизерные поэтические способности Пучкова, сколько это посвящение вызвало гнев Гумилева, выступившего в *Аполлоне* с крайне уничижительной оценкой сборника:

Анатолий Пучков — отличный образчик непоэта. Ему решительно нечего сказать, и он путается в словах и ритмах, как в каких-нибудь крепких тенетах. В его стихах трудно разобрать, где кончается метафора, где начинается недоразумение. Самые редкие, самые звучные рифмы в них становятся тусклыми, как «розы — грезы». В книге часто встречаются футуристические словечки, один из отделов определен, как вторая тетрадь «Русских Символистов». Но не будем гадать, кто он, футурист или символист. Его стихи вне этих определений, потому что, прежде всего, не принадлежат к поэзии¹⁹.

¹⁶ Машинопись с авторскими правками. Выставлялась на продажу аукционным домом «В Никитском» (Москва) в апреле 2018 г. (Аукцион 115: Редкие книги, рукописи, автографы и фотографии). Очевидно, имеются в виду сборники «Чемпионата поэтов».

¹⁷ Чудакова М. О., Тоддес Е. А. Тынянов в воспоминаниях современника (Сообщение) // Тыняновский сборник: Первые Тыняновские чтения (г. Резекне, май 1982). Рига, 1984. С. 100 (со ссылкой на рукопись Н. В. Яковлева).

¹⁸ Мы говорим о «второй книге», поскольку экземпляры означенной здесь как вышедшая книга Пучкова *Первые созерцания* (1912) выявлены не были.

¹⁹ Гумилев Н. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1915. № 10. С. 50-51.

В 1916 г. имя Пучкова появилось в стихотворении И. Бунина «Поэтесса», которое А. Ахматова считала обращенным к себе:

Большая муфта, бледная щека,
Прижатая к ней томно и любовно,
Углом колени, узкая рука...
Нервна, притворна и бескровна.

Все принца ждет, которого все нет,
Глядит с мольбою, горестно и смутно:
«Пучков, прочтите новый триолет...»
Скучна, беспола и распутна.

После Февральской революции Пучков участвовал в работе Союза деятелей искусств, представляя в нем, совместно с Н. Черкасовым, общество «Мировые футуристы». После Октябрьской — ушел в «комиссары» и последовательно занимал ряд важных постов: зам. председателя Петроградской продовольственной управы, комиссар снабжения и распределения Союза коммун Северной области (1918), зам. комиссара продовольствия Петрограда (1919), зам. председателя Петроградского единого потребительского общества (1920). Выступал в печати по вопросам распределения продовольствия, ратовал за оказание продовольственной помощи ученым. Многие литераторы, в том числе Ф. Сологуб, А. Ремизов, М. Горький (с просьбой выдать одежду и продовольствие А. Белому), В. Шкловский, студии Дома искусств обращались к Пучкову за помощью.

«Источники пропитания у меня такие: Каплун, Пучков, Горохр и т. д.», — записывал в дневнике К. Чуковский 2 января 1920 г. — «Пучков — честолюбив, студентообразен, б<ывший> футурист, в кожаной куртке, делает 40 дел сразу, не кончает ни одного, кокетничает своей энергичностью — голос изумительно похож на Леонида Андреева»²⁰. В сходном ключе, не скупясь на выдумки и карикатурные штрихи, описал Пучкова Г. Иванов в очерке «Анатолий Серебряный»²¹.

Партийно-хозяйственная карьера Пучкова неожиданно прервалась в 1926 г., когда он был исключен из ВКП (б) за «бытовое разложение». После этого Пучков некоторое время занимался преподавательской работой в Ленинграде и Москве, а в 1933 г. получил персональную пенсию по инвалидности в связи с расстройством нервной системы. Жил и скончался в Подмосковье.

²⁰ Чуковский К. Дневник 1901-1929. М., 1991. С. 136.

²¹ Иванов Г. Анатолий Серебряный // Сегодня (Рига). 1933. № 57, 26 февраля. С. 4.

ИСТОЧНИКИ

Чэмпіонат поэтов. Обл. работы худ. Ив. Мозалевского. М. Невск: Чэмпіонат поэтов, год 4887421 [СПб.: тип. В. Андерсона и Г. Лойцянского, 1913].

Всёдурь: Рукавица современью. М. Невск: Чэмпіонат поэтов, год 4887421 [СПб.: тип. И. Флейтмана, 1913].

Марев Глеб. Первая арзология: Послеслов «Чемпионата Поэтов». Обл. И. Мозалевского. Петроград: тип. И. Флейтмана, 1916. 270 экз.

Пучков Анатолий. Юные аккорды [на тит.: Стихотворения]. СПб.: тип. «Печатный Труд», 1912. 300 экз.

Пучков Анатолий. Последняя Четверть Луны. Обл. И. Мозалевского. Пг.: тип. «Реклама», 1915. 130 экз.

Закржевский А. Рыцари безумия: (Футуристы). Киев: тип. Акц. О-ва «Петр Барский в Киеве». 1914.

Анчар [Боцяновский В.]. Обозная челядь. // Биржевые ведомости. 1913. № 13832, 31 окт. (веч. выпуск). С. 5.

Г. Г.—[Шершеневич В.]. Чемпионат поэтов. С.-Пб. 30 к. Марков и Дуров. Каблук футуриста. М. 35 к. // Футуристы: Первый журнал русских футуристов. 1914. № 1-2. С. 139.

Гумилев Н. Письмо о русской поэзии // Аполлон. 1915. № 10. С. 50-51.

Иванов Г. Анатолий Серебряный // Сегодня (Рига). 1933. № 57, 26 февраля. С. 4. Подзаг.: «Неудачники от искусства на высоких постах в СССР».

Марков В. Ф. История русского футуризма. СПб.: Алетейя, 2000. С. 183-184.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Чэмпіонат паэтов	5
Всёдурь: Рукавица современью	21
Г. Марев. Первая арзология	28
<i>Приложения</i>	
А. Пучков. Юные аккорды	55
А. Пучков. Последняя Четверть Луны	88
А. Закржевский. Из книги «Рыцари безумия»	140
Анчар [В. Боцяновский]. Обозная челядь	141
Г. Г.—[В. Шершеневич]. Чемпионат поэтов...	144
В. Марков. Из книги «История русского футуризма»	145
Н. Гумилев. Из «Писем о русской поэзии»	146
Г. Иванов. Анатолий Серебряный	147
А. Шерман. Послеслов «Чемпионата поэтов»	155
Источники	163

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.